

Ю. СРЕЧИНСКИЙ

КАК МЫ ПОКОРЯЛИСЬ

ЦЕНА ОКТЯБРЯ

ЗАРЯ
КАНАДА
1974

Ю. СРЕЧИНСКИЙ

КАК МЫ ПОКОРЯЛИСЬ

ЦЕНА ОКТЯБРЯ

**ЗАРЯ
КАНАДА
1974**

Copyright © 1974, by Author

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНОЕ ДЕЛО
ЗАРЯ
ZARIA, 73 BISCAY ROAD
LONDON 74, ONTARIO
CANADA

1. Кровь и чернила

Он придет, чтоб долгое
 Озаглавить словом — перелом,
 Чтоб, расставив знаки
 Нас судить за письменным
 столем.

Он придет, не знавший
 И огнем замыганных путей, —
 Чтоб сложить к великому
 Только ряд написанных статей.

Я не знаю, будут ли валиться
 Хлопья снега с рваных облаков
 В дни, когда черным
 Наша кровь с зазубренных
 штыхов.

Так написал о далеком потомке в начале 20-х годов Георгий Венус, белый офицер, дроздовец. В середине 20-х годов, во времена НЭПа, он вернулся в Советскую Россию. В начале 30-х годов он исчез. Другой судьбы для бывшего дроздовца в Советском Союзе, конечно, не нашлось.

Этот потомок еще не пришел. Россия все еще бродит по бездорожьям и замыганным путям. Но кровь той страшной эпохи,

кровь гражданской войны уже обратилась в чернила.

А. И. Солженицын судит ту эпоху не за письменным столом. Он сам, вместе с Россией, прошел по бездорожьям и замыганным путям. Но кровь гражданской войны даже для него струится чернилом.

В «Архипелаге ГУЛag» на стр. 27 в сноске Солженицын пишет об отсутствии сопротивления большевикам: «Если бы... если бы... Не хватало нам свободолюбия. А еще прежде того — осознания истинного положения. Мы истратились в одной безудержной вспышке семнадцатого года, а потом СПЕШИЛИ покориться, с УДОВОЛЬСТВИЕМ покорялись». И, сославшись на свидетельство иностранца, заключает: «Мы просто ЗАСЛУЖИЛИ все дальнейшего».

Солженицын знает о сопротивлении русского народа большевикам и пишет о нем в своей книге. В этом жестоком приговоре чувствуется влияние советской пропаганды и лжи.

Я принадлежу к тому поколению — последнему, — для

которого кровь гражданской войны все еще кровь. Я еще помню то чувство полного бесправия, полной беззащитности перед произволом новой власти, чувство какой-то растерянной оставленности, покинутости перед насилием новых господ. В ушах моих еще не отзвучали крики истязуемых и залпы расстрелов и в складках моих легких еще застоялся воздух распада и смерти, которым мы тогда дышали.

И я помню тех, кто не покорились, не склонили головы. Вся мужская часть моей семьи ушла в Добровольческую армию и почти никто не вернулся. Я получил тяжелое наследие. И это наследие не только дает мне право, но и налагает на меня обязанность напомнить о тех, кто осознал истинное положение и отдал свою жизнь в борьбе за поруганную Россию и за поруганного человека.

«Архипелаг ГУЛлаг» будет иметь огромный отзвук на нашей родине. Но в каком-то смысле книга Солженицына безнадежна и безысходна. Если «мы истратились в одной вспышке семнадцатого года, а потом спешили покориться, с удовольствием покорялись», то на что надеяться, откуда взять решимость и жертвенность, необходимые для спасения нашей родины? Если в наследство от былых поколений осталось только рабское чувство покорности, откуда взять потомкам гордый дух, высокое стремление, волю непреклонную к борьбе, к борьбе за вочелове-

чение расчеловеченного человека? Если все так безнадежно и безысходно, то где найти вдохновение на подвиг? Да и зачем дары свободы стране господ, стране рабов?

И этот жестокий и несправедливый приговор той эпохе и рускому народу в одних затушит начинающую теплиться искру жертвенности, а для других послужит оправданием их малодушия и бездеятельности.

Но приговор этот не только несправедлив, он в корне ошибочен. Мы принадлежим к великому народу, великому высокому духом, а не только материальной мощью. И я попытаюсь напомнить о дизном величии тех бесчисленных, кто не покорился и свободную смерть предпочел жизни в неволе.

Я не буду касаться Белого движения. О нем написано много. Солженицын теперь сам может с ним ознакомиться и вынести свое суждение. Я ограничусь той частью гражданской войны, которая проходила вне Белого движения.

Странное отношение создалось к борьбе русского народа с большевиками.

В Советском Союзе об этой борьбе писали в 20-е годы. Но все авторы осзещали ее, конечно, с точки зрения победителя. О размахе, масштабах и стихийности этой борьбы умалчивали. Сопротивлялись большевикам анархисты, правые эсеры, меньшевики, кадеты, монархисты, кулаки, богатеи, бандиты, буржуи, капиталисты — «черная

гидра реакции» — незначительное и презренное меньшинство. Позже, к концу 20-х годов эта тема стала вообще запретной, и в Советском Союзе о сопротивлении народа большевикам писать перестали.

За границей все заслонила Белая борьба. О борьбе с большевиками, не связанной с Белым движением, сведений просочилось мало. Знали о восстании Ижевских и Воткинских рабочих, так как восставшие пробивались через красное окружение и присоединились к армии адмирала Колчака. Относительно хорошо освещено и документировано Кронштадтское восстание. Имелись сведения о восстаниях в Белоруссии и на Украине — они проходили недалеко от государственных границ и многим их участникам и возглавителям удалось уйти за рубеж. Но о восстаниях в центральных губерниях и в Сибири почти ничего не было известно. Только некоторые из них, крупнейшие, знали по названиям, да по отрывочным сведениям, казавшимся зачастую мифическими.

Поэтому и за границей борьба русского народа с большевиками по достоинству оценена не была. Ее масштабов и размаха себе не представляли и не считали ее достойной внимания. Зарубежные историки гражданской войны никакого значения ей не придавали и ее просто игнорировали. Были три исключения — С. П. Мельгунов, С. С. Маслов и проф. Питирим Сорокин. Все трое эпо-

ху гражданской войны провели под советской властью и за границу выехали в начале 20-х годов. Поэтому они лучше разбирались в расстановке сил и в отношениях народа и советской власти. Они писали о сопротивлении народа большевикам, о «необъятном количестве» крестьянских и рабочих восстаний, но поколебать уже установившееся ошибочное мнение не могли. Это можно было сделать только серьезным, подробным исследованием, подкрепленным богатым фактическим материалом. Но такого материала в достаточном количестве за границей не имелось.

Поэтому и за границей возобладали и укрепилось убеждение, что русский народ охотно подчинился большевикам, а позже безропотно выполнял все их требования и без сопротивления принимал их насилия и издевательства.

Слова генерала Деникина: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу», — эти слова относились только к Белому движению,

только оно спасло честь русского народа.

И даже признание Ленина, несколько раз повторенное им на X съезде РКП(б) в 1921 г., что «мелкобуржуазная контрреволюция» (так он с неизменной для него пошлостью называл борьбу народа против большевиков) «несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые», и еще сильнее — «представляет опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе», — даже эти слова Ленина не могли поколебать сложившееся убеждение.

Русский народ — раб по природе, воспитанный в традиции рабства, с кровью, отравленной столетиями рабства, не мог поступить иначе, как покорно подчиниться насилию. Но тогда становилось совсем необъяснимым — почему большевикам нужно было истреблять столь безропотно и охотно подчинявшийся им народ, убивать миллионы людей именно в ту первую эпоху, эпоху укрепления их власти. Для убийств в таких широких масштабах нужны были люди, много людей (если их, конечно, можно называть людьми), а они, несомненно, гораздо нужнее были на фронтах гражданской войны и, конечно, там могли быть использованы с гораздо большей пользой, чем для, якобы, бессмысленных убийств в тылу.

Не объяснив истребления миллионов в эпоху 1918-1922 годов, мы также не сможем по-

нять, зачем большевикам понадобилось ломать хребет не только крестьянству, но и всему народу, коллективизацией, причем с большим для себя риском. Я знаю, что коллективизацию объясняют расчетом большевиков — рабским трудом крестьян оплатить расходы по индустриализации страны, расходы по пятилеткам. Но такое объяснение кажется мне неубедительным. Партии пришлось напрячь все силы, чтобы выполнить заданные нормы по убийствам. От безропотно повинующегося и рабски покорного народа тех же результатов можно было добиться другими методами. Да и армия убийц могла быть использована для более полезного дела, чем бессмысленное истребление, якобы, покорных людей. Такие же вопросы можно ставить и дальше.

Эволюция большевиков по пути насилий и убийств гораздо более убедительно объясняется тем, что только такими массивными дозами террора можно было удержать строптивый народ в повиновении. Коричневая диктатура так же омерзительна, как и красная. Но гестапистам, немецким коллегам и ученикам чекистов, почти не пришлось убивать немцев. В Германии не вспыхнуло ни одного восстания, а сво бодолюбивые немцы впряглись в хомут и позволили своим господам, хорошо подготовившись, начать силой оружия экспорт нацистских идей новой Европы. Ни Ленину, ни Сталину так и

не удалось до Второй мировой войны направить Красную армию на Европу для насаждения мировой революции, а это была их первая и главная цель. И помешало им в этом именно и только сопротивление народа.

В самом конце 50-х годов положение несколько изменилось. О той эпохе начали выходить в СССР книги. Это были исторические труды, воспоминания и сборники документов. Они, конечно, извращали события и давали ложное толкование фактов. Но даже сквозь эту искаженную картину просачивалась ярость народа против насильников и поработителей, его неукротимая решимость бороться за свою свободу, его непоколебимое стояние насмерть.

Но чтобы почувствовать ту эпоху и получить доказательства верного понимания ее, приходилось просматривать сотни книг. И просеяв сотни, тысячи страниц словесной трухи, я иногда наткнулся на замечательные факты и документы. Многие восстания облеклись в плоть и кровь, перестали быть только названиями. Обнаружилось много новых, таких, о которых раньше и не слышал. Определелись нижняя и верхняя границы во времени — февраль 1918 г., восстание в Темниковском уезде Тамбовской губернии, и конец 1922 г. (Алтайский край). Прояснились и социальные границы руководителей восстаний — полковник Дурново, родственник царского министра (Тульская губ.), и

комбриг Первой конной Маслаков, выведенный Бабелем в «Конармии» под именем Маслака (Ставропольская губ.).

Но все это была мертвая вода чужого извращенного изложения. Она позволила набросать контуры, приблизительную, бледную картину. Чтобы она ожила, необходимо было sprysнуть ее живой водой непричесанных фактов и духа эпохи. Эту живую воду можно было найти или в архивах, доступ к которым мне, конечно, заказан, или в книгах и статьях начала 20-х годов, написанных по живому следу, когда удивленные и упоенные неожиданной победой завоеватели не стеснялись откровенно рассказывать о своих подвигах.

Я составил список таких книг и статей, но за редким исключением их в крупных заграничных книгохранилищах не оказалось. Заказывать их в советской библиотеке от своего имени было бесполезно. Я обратился за помощью в американский университет. Мне вежливо, но твердо отказали. Я сделал еще несколько обходных маневров, но потерпел неудачу. В конце концов, мне удалось найти в Европе коммерческое учреждение, которое заверило меня, что уже много лет выполняет заказы по получению из Советского Союза отписок со старых изданий. Средний срок выполнения заказа 3—4 месяца.

Для начала, чтобы не возбуждать подозрений, я заказал очень мало. Через год, после

повторных напоминаний, я получил от этого учреждения ответ: в высылке заказанных мной материалов Москва отказала «без объяснения причин». Я уткнулся в тупик.

Но кое-что мне все же уда-

лось получить другими путями. Это была лишь малая часть того, что я наметил, и не всегда то, что я наметил. Но и этого малого оказалось достаточно, чтобы картина ожила и засияла яркими красками.

2. Символ гражданской чести

С. С. Маслов писал: «Борьба началась немедленно после воцарения большевиков. Она не прерывалась во все время нахождения их у власти, она продолжается и сейчас. Начатая наиболее стойким врагом большевиков — интеллигенцией, борьба втянула потом крестьян и, наконец, и рабочих.

Борьба, то усиливаясь, то затихая, шла беспрерывно. Она, в эти тяжелые годы грязи, крови, крушений, всеобщего развала и распада, в годы национальной нищеты и позора, она одна для любящих Россию является источником радости и внутренней бодрости: народ не согнулся, не покорился. Упорно в продолжение четырех лет превращаемый в государственного раба, он рабом не сделался. Скованный снаружи, он внутренне остался свободным. В этом верный залог и надежная порука неизбежной в грядущем и внешней гражданской свободы».

Книга Маслова была издана в Париже в 1922 г.

Я не буду говорить здесь

подробно о том, что мы называем забастовкой, а большевики саботажем интеллигенции. Этот эпизод сопротивления большевикам очень скудно освещен в эмигрантской печати, и еще меньше в советской.

Забастовка интеллигенции возникла стихийно на другой же день после октябрьского переворота и выразилась в отказе русского чиновничества сотрудничать с захватчиками. К служилым людям примкнула профессура, банковские служащие и даже телеграфные и телефонные служащие. Присоединилась также и часть квалифицированных рабочих (среди них — типографские рабочие и железнодорожники).

Хочется здесь напомнить об одном мало известном факте. Крайние левые партии оказывали сильный нажим на типографских рабочих, особенно, на наборщиков, чтобы побудить их к отказу набирать и печатать «буржуазные» газеты и журналы. В конце концов, профессиональный союз типографских рабочих поставил этот во-

прос на обсуждение и голосование. Значительным большинством голосов рабочие отвергли требования левых и высказались за безусловную свободу печати. Если память мне не изменяет, голосование было проведено уже после октябрьского переворота.

Большевицких комиссаров бастующие игнорировали. Приказов их не выполняли и продолжали подчиняться прежнему начальству. Именно забастовка интеллигенции вызвала формирование Всероссийской чрезвычайной комиссии 7 декабря 1917 года. Первой и главной задачей этому кровавому заведению была поставлена борьба с трудовой интеллигенцией и подавление ее сопротивления. Оно первоначально так и именовалось: «Чрезвычайная комиссия при совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Именно ее, русскую трудовую интеллигенцию назвал Ленин «вредными насекомыми».

Только в марте 1918 г. забастовка пошла на убыль, а последнее сопротивление прекратилось в июне. Внешне эта забастовка не была на воображение, но можно себе представить, какие организаторские таланты нужно было проявить, какими выдержкой и мужеством обладать, чтобы продержаться несколько месяцев в начавших уже голодать городах против ни перед какими насилиями не останавливающихся новых господ. В подавляющем большинстве это были люди мирные,

семейные, никаких побочных доходов не имевшие и жившие только на жалованье. Люди двадцатого числа.

«Может быть, — писал С. П. Мельгунов в незаконченном труде «Белое движение», — безрезультатной была идея бойкота, проявившаяся в первые дни властвования большевиков, но эта забастовка трудовой интеллигенции останется одной из самых красивых страниц прошедшей революционной эпохи. Этот героизм маленьких людей, не подчинившихся спокойно ярму насилия, символ гражданской чести русской общественности».

Большевики, конечно, воспользовались забастовкой, чтобы еще усилить сзую пропаганду ненависти против интеллигенции и буржуазии. Это было тем легче, что с продовольствием, особенно на севере, дело стало ухудшаться еще при Временном правительстве, а первые декреты Ленина сделали голод неминуемым. И конечно, с великой радостью и выгодой для себя большевики всю вину за продовольственный кризис свалили на саботажников — интеллигентов и буржуев.

Забастовка показала большевикам, что русская интеллигенция в массе своей слишком их презирает как вульгарных насильников и немецких агентов, чтобы пойти с ними на искреннее сотрудничество. Это положение и предопределило политику большевиков по отношению к интеллигенции — недоверие и истребление.

Интеллигенция понесла огромные потери, но сломить ее до конца большевикам все же не удалось. В какой-то своей части она продолжала большевиков презирать и отказываться от добровольного сотрудничества с ними. В 1921 году комиссариат юстиции четыре раза неофициально предлагал представителям московской адвокатуры оказать ему помощь в его работе. И четыре раза московские адвокаты единогласно высказывались против сотрудничества. «Заставите силой, — был ответ, — придется идти, но по доброй воле на сотрудничество не пойдём». И долго еще, чуть ли не до начала Второй мировой войны, в некоторых кругах русской интеллигенции вступление в партию рассматривалось как нравственное падение.

Несколько слов следует сказать и о рабочих восстаниях. Их было не мало.

Наиболее крупным было восстание Ижевских и Воткинских рабочих. На Ижевском заводе оно началось 8 августа 1918 г. Вскоре к Ижевскому присоединился Воткинский завод. Ижевск был опять занят красными только через три месяца, 7 ноября, но восстание подавлено не было. Восставшие рабочие, с женщинами и детьми, пробившись через красное кольцо, переправились через Каму и присоединились к белым. Это случилось 14 ноября 1918 г.

В марте 1919 г. началось весеннее наступление армии адмирала Колчака. В середине апреля был занят Ижевск. Нужно сказать, что перед началом наступления ген. Ханжин, командующий Западной армией, в которую входили ижевцы, обещал отпустить их, когда будет взят Ижевск. Этим обещанием генерал, не доверявший «рабочим частям», надеялся поднять дух и повысить боеспособность своих необычных соратников. Командующий армией имел основания не доверять. Дисциплина у ижезцев стояла на самом низком уровне. К своим офицерам, таким же рабочим или детям рабочих, как и они сами, рядовые обращались — Ванька, Петька и никаких внешних знаков почтения не оказывали. Все это слишком ярко напоминало незабываемый еще развал русской армии в 1917 г.

В наступлении ижевцы не только безропотно подчинялись железной дисциплине, но и сами ее поддерживали и проявили такую крепкую спайку, бесстрашие и высокую боеспособность, что генерал пожалел о своем обещании и сделал попытку оттянуть его выполнение. Но ижезцы были непреклонны. После долгих переговоров и споров, несмотря на приказы и угрозы, 29 апреля 1918 г. они разошлись. Рота за ротой в полном порядке приходила прощаться к своему командиру только что произведенному в генерал-майоры Молчанову. От бригады, насчитывавшей около пяти с половиной

тысяч штыков и сабель, осталось всего 180 офицеров и немало солдат.

Возращение на завод было трагическим. «Редко кто нашел свою семью невредимой. Действительность превзошла все слухи, доходившие к ижевцам на фронт.

Красные палачи не знали пощады. Происходило безжалостное уничтожение тех, кто принимал какое-либо участие в восстании. Мстили родным тех, кто ушел за Каму. Не щадили женщин и подростков.

Назначили перепись погибшим. Переписчики по каждому кварталу обходили дома и записывали имена жертв. Подсчет дал сумму 7.983».

После этого ижевцы, по выражению одного из сибирских большевиков, превратились в тех, «кто не ждал пощады от красных и сам никого не щадил».

В июне Ижевская бригада возродилась. Вместе с воткинцами она проделала Ледяной поход по Сибири, готова была в феврале 1920 г. штурмовать Иркутск, чтобы освободить проданного большевикам чехами и союзниками адмирала Колчака, перешла в Забайкалье, оттуда отступила в Приморье, проделала Последний поход на Хабаровск и в ноябре 1922 г. покинула пределы России.

В «Архипелаге ГУЛаг», на 42-й странице, Солженицын задает вопросы: «...мы некоторые события знаем только по одно-

му названию — например Колпинский расстрел в июне 1918 года — что это? кого это?... И куда записывать?».

Мне кажется, что я могу дать ответ, хотя и не исчерпывающий, на вопросы Солженицына. И в этой части статьи ответ этот будет уместен, так как потерпевшей стороной в Колпинском расстреле были рабочие, и все это происшествие чрезвычайно характерно для эволюции настроений рабочих в тот период.

Город Колпино Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии в 1917 г. насчитывал около 15 тыс. жителей. В нем находился Ижорский адмиралтейский завод морского ведомства с 10 тыс. рабочих. В связи с выступлением генерала Корнилова 27 августа 1917 г., в Колпине из рабочих Ижорского завода был организован отряд Красной гвардии, принявший участие в последовавших событиях. 24 октября 1917 г. по распоряжению военно-революционного комитета колпинский отряд Красной гвардии свергнул власть Временного правительства. 25 октября часть его была отправлена в Петроград в Смольный. 28 октября казаки ген. Краснова, шедшие на Петроград, заняли Гатчину и продвинулись к Пулковку. Здесь, на Пулковских высотах, 30 октября произошло сражение, в котором принял участие и отряд колпинской Красной гвардии. Колпинские рабочие показали свою верность большевикам.

В декабре 1917 г. большевицкая партия получила большинство в колпинском городском совете. 2 января 1918 г. городская дума и управа были распущены и власть в городе перешла к совету. Не обошлось без арестов. Но рабочие быстро разочаровались в новых господах. «Антисоветские элементы — правые эсеры и меньшевики, анархистские и озлобленные обыватели» получили влияние на рабочих (сов. источники причин не указывают) и «в середине марта на общегородском митинге была принята резолюция с требованием немедленного переизбрания совета». Лишь прибывшему спешно из Петрограда Володарскому «удалось склонить рабочих в пользу существующего совета, где большинство принадлежало большевикам». Но в апреле волнения обострились.

Дело в том, что в Царско-сельском уезде «с 17 февраля все продовольственное дело было изъято из ведения продовольственных управ, существовавших при Временном правительстве, и передано в ведение местных советов». Положение с продовольствием стало сразу катастрофическим. Хлебный паек в городах упал до $\frac{1}{4}$ фунта на едока в день — 102 грамма (русский фунт — 409 граммов). Особое возмущение населения вызвало то, что дорвавшиеся до власти новые господа совершенно не считали нужным подвергать лишениям и себя самих. В те времена техника закрытых распределите-

лей, специальных пайков, окруженных заборами и телохранителями дач и тому подобных номенклатурных привилегий была еще в самом зародыше. Да и население не было еще приучено к послушанию. Поэтому и требования о перевыборах совета, поэтому и уличные волнения.

В первый день Пасхи — 23 апреля — в здании городского совета в Колпине шла пирушка с возлияниями. Об этом стало известно населению. Чтобы успокоить собравшихся перед зданием голодных и возмущенных рабочих, пришлось арестовать председателя и нескольких членов горсовета. Но положения с продовольствием это не улучшило.

9 мая к открытию магазинов в Колпину хлеба не привезли. В очередях, состоявших, главным образом, из женщин и детей, началось волнение. Советские источники попросту сваливают вину за эти волнения все на тех же «агитаторов из правых эсеров и меньшевиков». Один из членов горсовета попытался успокоить толпу. Что тут произошло трудно определить. То ли толпа проявила намерение его избить, то ли он просто струхнул, но он выхватил револьвер и стал стрелять в толпу. Был ранен мальчишка. Под прикрытием телохранителей из Красной гвардии стрелявшему пришлось спешно ретироваться.

Был ударен сполох. Сразу же состоялось общегородское собрание, которое потребовало перевыборов совета и разору-

жения местной Красной гвардии. Что случилось дальше, установить трудно. Советские источники опять утверждают, что провокаторы все из тех же «правых эсеров и меньшевиков», замешавшиеся в толпу, произвели несколько выстрелов по красногвардейцам, охранявшим совет. А вернее всего, толпа проявила враждебность к новым вождям и те струсили. Красногвардейцы, защищая их драгоценные жизни, дали несколько залпов по толпе. Были убитые и раненые. Число их мне неизвестно.

Колпино бурлило. Левые эсеры вышли из колпинского горсовета, который постановил «действия фракции левых эсеров считать недостойными и предательскими, а потому совет объявляет им порицание». Царскосельская организация РКП(б) признала, что «в Колпине произошли явно контрреволюционные выступления, руководимые мерными шагами правых с.-р. и меньшевиками». Царскосельские товарищи выразили «свое одобрение и полную поддержку» действиям колпинского совдепа, а «печальные последствия этих выступлений всецело возложили на те организации и отдельных лиц, которые, пользуясь временным кризисом продовольствия, хотели на этом создать политическую авантюру и свергнуть рабочую власть». То есть, убитые сами виноваты, что убиты.

Никаких переизборов колпинского горсовета произведе-

но не было. Красная гвардия свое оружие сохранила. Расследование о «Колпинском расстреле» было поручено Царскосельской уездной следственной комиссии и комиссии Петроградского совета. «Рабочая власть» приступила к арестам тех рабочих, которые привели ее к власти.

Таким образом, «Колпинский расстрел» случился в мае, а не в июне. Хотя возможно, что расстрел повторился в июне или в июле были расстреляны рабочие, задержанные в мае. В то время расстрелы уже становились бытовым явлением.

Эти действия большевиков число едоков в Колпине уменьшили, но «временного кризиса продовольствия» не разрешили. В июне в Царскосельском уезде хлебный паек на едока был понижен до $\frac{1}{8}$ фунта (51 грамм) в день.

А тем временем большевики придумали гениальный по цинизму ход. Одной части населения они позволили грабить другую уже в государственном масштабе. Вернее, не позволили грабить, а толкнули, вынудили на грабеж. 21 мая 1918 г. Ленин обратился к петроградским рабочим с воззванием о вступлении в продозольственные отряды: «...сытые и разбогатевшие за годы войны деревенские кулаки, в руках которых остался хлеб от прежних урожаев, не желают давать хлеба голодным. ...контрреволюционеры всех мастей, опираясь на деревенскую буржуазию, стремятся погубить советскую

власть... Товарищи рабочие, дело резолюции, защита революции — в ваших руках. ...если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой... Записывайтесь в ряды продовольственных отрядов... Оружие и необходимые средства будут даны вам... Борьба за хлеб теперь означает борьбу против контррезолюции. ...не колеблясь, немедленно открывайте беспощадную борьбу с кулаками, мародерами, спекулянтами и дезорганизаторами за хлеб».

Так советская власть, с одной стороны, сняла с себя ответственность за голод и, по бессмертному рецепту Остапа Бендера, дело спасения голодающих передала в руки самих

голодающих, а с другой — вбила солидный клин между рабочими и крестьянами.

Такие достижения большевиков, террор и бездарность их экономической и государственной политики оттолкнули рабочих. Отношение их к советской власти лучше всего обрисовывает «Отчет о деятельности Петроградского комитета РКП(б) за период с конца сентября по конец ноября 1918 г.». Этот отчет сообщает, что приток кандидатов в партию «сравнительно незначителен в рабочих районах», а «в наиболее крупном рабочем районе — Невском (ок. 25 тыс. рабочих) партийная организация особенно слаба...».

И это в «красной цитадели» — Петрограде.

3. «Мелкобуржуазная контрреволюция»

Восстания. Сколько их было? М. Лацис (Судрабс) в брошюре «Два года борьбы на внутреннем фронте», на которую ссылается и Солженицын, пишет, что в 1918 г. было подавлено 245 восстаний. «Цифры, представленные здесь, — оговаривается он, — далеко не полны. Они охватывают всего 20 губерний центральной России». Но под властью большевиков в 1918 г. находилось больше губерний — 27-28.

Думаю, что в кровавую статистику Лациса не вошло тер-

риториальное образование, известное под названием Союз коммун Северной области. Союз был основан в конце апреля 1918 г., вскоре после переезда Ленина с правительством в Москву. Это образование пользовалось известной автономией и имело свой совет народных комиссаров с исполкомом, официальным печатным органом «Северная коммуна» и, конечно, со своей ЧеКа. Удельным комиссаром Союза коммун Северной области был Зиновьев. В Союз входили шесть губер-

ний: Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская и Псковская.

Статистики восстаний в этих губерниях у меня нет, но «только с марта по октябрь 1918 г. в Петроградской губернии вспыхнуло 46 кулацко-белогвардейских выступлений», — гласят советские источники. Сам город Петроград этой цифрой не охвачен. Не знаю, можно ли отождествить «выступление» с «восстанием», но это не так важно. Сколько было восстаний в Петроградской губернии в другое время и в других губерниях, входивших в Союз, не знаю. Они были и было их не мало. Знаю это по разным советским же источникам.

За первые семь месяцев 1919 г. Лацис насчитал 99 восстаний в тех же 20 губерниях. Следует подчеркнуть, что очень много восстаний вспыхивало ежегодно с середины августа, т. е. после снятия урожая и с приходом продовольственных отрядов, этот урожай от крестьян отбиравших. Об общем количестве восстаний в 1919 г. можно гадать. В 1919 г. Ленин пошел на уступки деревне. Уже в конце ноября 1918 г. были расформированы комитеты бедноты, разорившие деревню, но не принешие большевиком той пользы, которой от них ожидали. 11 января 1919 г. изъятие излишков было заменено продразверсткой, которая позже обернулась для крестьян еще более лихой бедой. В марте 1919 г. на 8-м съезде пар-

тии Ленин предложил ограбленному им крестьянину-средняку мир и союз. В апреле Ленин снял с середняков недоимки по натуральному и чрезвычайному революционному налогам. 26 апреля был издан декрет, регулировавший положение кустарной и мелкой промышленности и дававший известную свободу частной инициативе.

Это отступление не принесло замирения, но в какой-то степени на короткий срок нейтрализовало крестьянство в самое трудное для большевиков время. Когда же со снятием урожая опять появились отряды продовольственной армии и крестьяне поняли, что от замены изъятия излишков продразверсткой они только проиграли, обманутая деревня возобновила сопротивление.

По этим причинам, количество восстаний в 1919 г. должно было несколько уменьшиться по сравнению с 1918 г., но не намного.

К 1920 г. деревня была уже разорена вконец и сама начала голодать. Но большевикам нужен был хлеб во что бы то ни стало. Действия продовольственной армии были признаны слишком мягкими и 21 апреля 1920 г. сбор продразверстки был поручен Всероссийской чрезвычайной комиссии. Производился он войсками ВЧК, ВОХР (внутренняя охрана) и ЧОН (части особого назначения). Во главе отдельных экспедиций стояли заслуженные чекисты, вроде Лациса. Это он

осенью 1920 г. возглавил набег на Среднее Позолжье, где в 1921 г. миллионы людей умирали от голода.

Деревня ответила восстаниями. Но теперь это были восстания совсем другого рода. Крестьянские восстания 1918 и 1919 г.г. были стихийны, но редко переклестывали через границы уезда. В несколько дней, неделю большевики их легко подавляли, даже если восставшим удавалось захватить крупные города, как Тамбов в июне 1918 г., Ливны, Астрхань — в августе и т. д.

Крестьяне поняли, что разрозненными выступлениями они успеха добиться не могут, и начали готовиться. По всей России, а позже в Сибири стали возникать Союзы трудового крестьянства или Братства трудовых крестьян. Начало их возникновения, я полагаю, относится к концу 1919 — началу 1920 гг. Возникали они в условиях сыска и террора, в эпоху военного коммунизма, когда жизнь человека стоила дешевле пули, которую ему пускали в затылок. Поэтому объединение местных союзов и братств в более крупные центральные организации было сложно и опасно. Но там, где оно удавалось, восстания сразу приобретали широкий размах, организовывали форму и получали авторитетных руководителей. Так было в Тамбовской губернии, в Западной Сибири, на Алтае и в других местах.

Советские источники говорят о Союзах трудового крестьян-

ства глухо и неясно. Организаторами и возглавителями их они выставляют эсеров и утверждают, что «Бутырская тюрьма, где из гуманных соображений — заключенным эсерам, равно как и членам других политических антисоветских партий, были предоставлены льготные условия содержания под стражей... была использована членами ЦК ПСР для руководства контрреволюционным движением в стране».

Мне думается, что это сказка, причем очень бездарно придуманная. Ей можно верить не больше, чем якобы раскрытой той же ВЧК летом 1921 г. связи Всероссийского комитета помощи голодающим с штабом Антоновской повстанческой армии в Тамбовской губернии, что, по объяснению Дзержинского, и послужило причиной ареста и разгрома комитета.

В июне 1919 г. съезд партии с.-р. признал Белые армии более опасным врагом, чем большевики. Съезд постановил вооруженную борьбу против большевиков прекратить, а все силы бросить против белых. Так создался странный и непродолжительный, но тесный союз между большевиками, меньшевиками и эсерами, причем последние не гнушались сотрудничеством и с ЧеКа. Например, Чрезвычайная следственная комиссия, допрашивавшая адмирала Колчака в начале 1920 г., состояла из председателя — большевика Попоза (заместителя председателя Иркутской губчека), заместителя

председателя — меньшевика Денике и членов — эсеров Алексеевского и Лукьянчикова. Когда надобность в союзе с другими левыми партиями миновала, большевики разгромили их. И деморализованные эсеры просто не имели возможности ни готовить восстания, ни руководить ими.

В той же брошюре Лациса, на стр. 75, есть статистика раскрытых заговоров. В 1918 г. их было 142, а за первые семь месяцев 1919 г. — 270. Лацис делит их на партийные и неопределенные, т. е. не окрашенные партийной принадлежностью. Неопределенных в 1918 г. было всего 18, т. е. 12%, в 1919 г. — 157 — около 60%. Сравнение количества заговоров двух годов с несомненностью указывает, по крайней мере, на то, что население инициативу борьбы с большевиками взяло в свои руки, не полагаясь больше на политические партии.

Восстания 1920-22 гг. отличаются от более ранних тем, что они не вспыхивают стихийно, а подготавливаются заранее и подготавливаются в крупных масштабах. Эти восстания — не слепой взрыв народного гнева, а более или менее широко задуманный и подготовленный, не раскрытый вовремя заговор. Поэтому восстания 1920-22 гг. сразу охватывают значительные территории и с самого начала опираются на крупные силы. Теперь восставшие полны решимости бороться до победы или до смерти. Поражения их

не деморализуют. Потерпев поражение в одном месте, они накапливаются в другом, пополняются новыми людьми и опять наносят удары. Это свойство советские историки называют «живучестью», «обрастанием», «быстрой способностью к регенерации». Восстания теперь длятся месяцами. Тамбовское восстание удалось подавить только через год — и какими методами.

Теперь восставшие не довольствуются лозунгом «дойдой», а выставляют положительные политические программы. В главных пунктах эти программы создаются. Это — равенство всех граждан без различия классов, восстановление частной собственности, передача земли работающим на ней, свобода торговли и Учредительное Собрание, избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Отрицательная часть программ коротка, энергична и везде одинакова: сержение советской власти и уничтожение коммунистической партии. Коммунистов ненавидят, их уничтожают беспощадно, за ними, как отмечают советские источники, «охотятся».

Крестьянское движение этого периода было сознательно всенародным. Оно выхлестнуло за пределы своих крестьянских интересов и вышло на простор общегосударственных целей и задач.

И это тем более замечательно, что большевикам к этому времени удалось раздавить и

Церковь, и интеллигенцию. Минины и Пожарские, Дмитрии Донские и Сергии Радонежские, архимандриты Дионисии и Авраамии Палицыны были уже или убиты, или замучены в подвалах ЧеКа, или получили пулю в затылок как заложники, или томились в концетрационных лагерях, ожидая неминуемого конца. Крестьянам пришлось выдвигать политических и военных вождей из своей среды. И эти вожди оказались на неожиданной духовной и идейной высоте.

На 61 стр. «Архипелага ГУЛаг» Солженицын пишет: «Но еще одно чудо в том году произошло. Вслед за процессом Промышленной Партии готовился в 1931 году грандиозный процесс Трудовой Крестьянской Партии — якобы (никогда не!) существовавшей огромной подпольной организованной силы из сельской интеллигенции, из деятелей потребительской и сельскохозяйственной кооперации и развитой верхушки крестьянства, готовившей свержение диктатуры пролетариата».

Солженицын ошибается. Такая сила существовала и состояла именно из людей, принадлежавших к тем слоям русского народа, которые он перечислил. Именно эту силу Ленин пошло называл «мелкобуржуазной контрреволюцией» и признавал, что она представляет собой «опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей,

сложенных вместе». Сталин ничего не придумал.

К 1931 г. от этой силы мало что осталось, но о ней помнили, помнили с обеих сторон баррикады. К тому времени большевики еще не всех успели уничтожить. Призрак этой силы еще бродил по Советскому Союзу. Возможно, что перед коллективизацией или во время нее были предприняты попытки ее возродить. Первый приступ коллективизации не удался. Сталину пришлось отступить и придумать «Головокружение от успехов» и он примерялся, как бы половчее и побезопаснее подмять под себя крестьянство. Он знал силу ненависти, окружавшей его и коммунистическую партию, и знал, что при неудаче пощады не будет.

Сталин и коммунистическая партия победили опять, но победили, как и в 1921 г., не так силой оружия, как голодом. Голод всегда был самым надежным союзником большевиков.

Остается упомянуть еще о двух видах восстаний — прифронтовых и военных.

Выяснить точно, что подразумевают советские источники под термином «прифронтовые восстания», мне не удалось. По некоторым описаниям, это восстания населения прифронтовой полосы. Они вызывались нередко непомерными поборами воинских частей или «прифронтовыми мобилизациями»,

когда все мужское население прифронтовой полосы от 18 до 45 лет мобилизовали и без подготовки или обучения гнали в бой, не всегда даже вооружив его. «Прифронтовые мобилизации» применялись большевиками нередко, особенно в начале гражданской войны или при критическом положении.

В одном советском источнике я нашел упоминание, что только с июля по ноябрь 1918 года было подавлено 108 прифронтовых восстаний. Не знаю, входят ли эти восстания в те 245, что насчитал Лацис в 20 центральных губерниях в 1918 году.

О военных восстаниях советские источники тоже не любят писать. Но о них мы имеем ценное свидетельство самого Троцкого.

Он сообщает о сдаче противнику «целых крестьянских полков». Он приводит приказ от 24 ноября 1918 г., в котором, по причине «бессмысленных отступлений и развала целых полков», повелевает: за дезертирство расстреливать, дома, где скрываются дезертиры, сжигать и делать облавы на дезертиров два раза в день — в 8 ч. утра и в 8 ч. вечера. Он пишет о мятежах мобилизованных и приводит серию приказов против дезертиров.

«Волна бессмысленных, беспечельных, но не редко крайне кровавых мятежей, — пишет дальше Троцкий, — прокатилась весной прошлого (1919) года по частям Красной армии. Растерянность и смутное недо-

вольство значительной части крестьян и солдат заражали даже наиболее отсталую часть рабочих».

В виде комментария, следует добавить, что в марте 1919 г. восстала Тульская дивизия, состоявшая, главным образом, из рабочих Тульских заводов. Она захватила Гомель, а потом перешла линию фронта и была интернирована поляками. Позже часть туляков попала в армию Юденича. В мае 1919 г. полностью, за главе со своими офицерами, сдался белым на Северо-Западном фронте 3-й Петроградский полк, бывший л. гв. Семеновский полк.

О том, какими методами подавлялись восстания в Красной армии, рассказывает ультиматум от 27 января 1919 г. Николаевской дивизии. Восставшим было объявлено, что отдан приказ об аресте их семей и «наложении печати на их имущество». Им отпустили 12 часов для безусловной капитуляции. В ультиматуме приведен пример Вольской дивизии, капитулировать отказавшейся и полностью уничтоженной — «от мятежников не осталось и следа».

Следует также привести «Инструкцию ответработникам 14-й армии» от 9 августа 1919 г. Она очень ярко подчеркивает доверие большевиков к Красной армии, «отстаивавшей советскую власть»: «Каждый комиссар должен точно знать **семейное положение командного состава** (подчеркнуто в оригинале — ЮС) вверенной ему

части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы придти на помощь семье в случае гибели командира в бою; во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира.

Все сведения о семейном положении командного состава и политработников (подчеркнутой — ЮС) должны быть сосредоточены в политотделе реввоенсовета армии».

Нигде большевики не могли обойтись без подлой системы заложничества. И это не было пустой угрозой. Арестовывали и расстреливали, даже детей, не только за действия родственников, но и посторонних. За пулю Фанни Каплан в Ленинграде только в Петрограде были убиты 512 человек.

Я не буду описывать военные восстания, но здесь уместно дать некоторое пояснение. «Сапожковское восстание так и помнят в одном Сапожке», — написал Солженицын (308 стр.). Что в Сапожке было восстание или восстания, можно не сомневаться. Эта часть Рязанской губернии, вместе с Тамбовской и соседними уездами Пензенской, была охвачена восстанием во второй половине 1918 г. На подавление его пришлось снять с фронта два латышских полка. Но под Сапожковским восстанием понимается другое.

Сапожковское восстание поднял Сапожков, командир 2-й Туркестанской кавалерийской

дивизии, сформировавшейся в Самарской губернии летом 1920 г. По советским источникам, Сапожков, конечно, «эсер» и подобрал себе подходящий комсостав из «анархо-эсеровских элементов».

Сапожков был сыном крестьянина Самарской губернии и офицером военного времени. После Октябрьского переворота он, очевидно, примкнул к большевикам и дослужился у них до командира дивизии. Летом 1920 г. он был послан в свою родную губернию для формирования 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии. 12 июля 1920 г. он поднял восстание в районе Бузулука. В его отряде насчитывалось около 1800 штыков и 900 сабель при 10 пулеметах и 4 орудиях. Обоз составляли 400 подвод с боеприпасами и продовольствием. Отряд разделился: часть двинулась на Новоузенск, часть — на Уральск.

По советским источникам, «Ленин сразу же разгадал оперативный замысел Сапожкова». В его приказе ревкомам и исполкомам предписывалось, среди прочего, «немедленно взять заложников из селений, лежащих на пути следования банды, дабы предупредить возможность содействия». Опять и опять подлая система заложничества.

Сапожков дошел до Новоузенска и попытался 6 августа его захватить, но потерпел поражение. 5 сентября он был убит. Его преемником стал Серов, у которого осталось всего

около 100 человек. В постоянных боях с красными отряд Серова то увеличивался до 3-4 тысяч, то сокращался до сотни. В мае 1922 г. отряд Серова был окружен в районе Уральск, Новоузенск, Лбищенск. Кольцо

постепенно сужалось. В июле у Серова почти никого не осталось. В августе 1922 г. Серов сдался. Восстание, поднятое Сапожковым в июле 1920 года, было полностью подавлено только через два года.

4. Тамбовский узел

Описать все восстания или даже только часть их в газетной статье невозможно. Я ограничусь Тамбовской губернией, одной из самых кацапских в России. Не потому, что не было во всей России (или теперь в Советском Союзе) другой губернии или области, которая так последовательно, упорно и целеустремленно сопротивлялась большевикам, не только не получая никакой помощи со стороны, но и не имея даже тени надежды на помощь. А потому, что один из узлов исторической эпопеи, начатой «Августом Четырнадцатого», будет посвящен Антоновскому восстанию.

Арсений Благодарев, спутник полковника Воротынцева, — тамбовчанин из села Каменки, одного из центров Антоновского восстания. Из десяти солдат-дорогобужцев, несших своего убитого командира полковника Кабанова, только двое — тоже тамбовчане — Корней Лунцов и Аверьян Качкин выделены Солженицыным, тогда как остальных он оставляет в

тени. И отец Иннокентия Володина («В круге первом») — «знаменитый, прославленный в гражданскую войну матросский военачальник» — «погиб з двадцать первом году в Тамбовской губернии».

Я не знаю, какой период он выбрал для Тамбовского узла — август 1920, когда восстание началось; март 1921, когда после неудачи с захватом Тамбова окончательно выяснилась обреченность восстания; июнь 1921, когда была уничтожена армия Антонова; июль 1921, когда были истреблены последние отряды сподвижников Антонова — Карася и фельдфебеля Матюхина; июнь 1922, когда был выслежен и пал смертью храбрых сам Антонов, — или какой-либо другой период или месяц. Но писать о Тамбовском восстании Солженицын будет.

По советским данным, советская власть в Тамбовской губернии была установлена 31 января 1918 г., — позже чем во всех остальных губерниях

центральной России. Но фактически большевики захватили аппарат управления губернией только к 1 марта. Источники глухо говорят о сопротивлении. Уже в феврале 1918 г. вспыхнуло «кулацко-эсеровское» (конечно) восстание «против советской власти» в Темниковском уезде. В начале марта из города Елатьмы «защитников проклятого старого мира» пришлось выбивать силой оружия. Елатьма была взята красными 4 марта во время снежной вьюги. Но успокоения не наступило. Елатомский ревком угрожает виновным в нападениях на комиссаров и красногвардейцев «расстрелом без суда». В марте же вспыхнуло «кулацко-эсеровское» (опять) восстание в Липецком уезде. Возможно были и другие, о которых источники молчат.

В мае жители огромного села Мучкап на реке Вороне потрепали и разоружили пришедший «изымать излишки» продовольственный отряд. Карательная экспедиция с артиллерией не только усмирила село, но и увела в Тамбов большое число деревенских парней. Там их поставили перед выбором: расстрел или поступление в Красную армию. Они выбрали последнее. Получив оружие, они и другие мобилизованные поддержали восстание, вспыхнувшее в Тамбове в середине июня. Два дня город был в руках восставших, на третий — восстание было подавлено при деятельном участии интернационального полка 16-й стрелко-

вой дивизии Киквидзе, состоявшего из чехов. Одновременно было восстание и в Козлове.

Затем возникали в разных местах губернии (Градский Умет, Чернавка, Иноково) «на почве хлебной монополии и на почве общего недовольства» волнения и восстания, которые пришлось усмирять посылкой вооруженных отрядов. Были несомненно и другие, о которых в известных мне источниках не упоминается.

Серия осенних восстаний началась в августе в Моршанском уезде. Уезд был объявлен на военном положении. Но восстание, подавленное в одном месте, вспыхивало в другом. Военно-революционный совет приказом от 3 октября «подтвердил военное положение города Моршанска, причем в приказе приводится все та же угроза «расстрела на месте».

В это время начинается восстание в Борисоглебском уезде. 4 октября вечером разыгрывается бой за город Борисоглебск. Восставшие располагают пулеметами и орудиями. Здание ЧеКа обстреливают прямой наводкой «в упор». Бой продолжался всю ночь. К утру красные подтянули тяжелую артиллерию и выбили восставших из города.

В Моршанском уезде к 10 октября «восстание вспыхнуло с новой силой в селах, прилегающих к городу». В нем принимают участие «мобилизованные солдаты, унтер-офицеры и офицеры». На станции Фитингоф

восставшие разбили посланный из Калуги на выручку города отряд.

Несколько позже в волостях Лавровской, Сосновской и Больше-Липецкой Тамбовского уезда тоже вспыхивает крупное восстание. На подавление послан отряд около 1000 человек пехоты с 30 пулеметами и 4 орудиями.

Одновременно восстают крестьяне в Шацком уезде. Здесь уместно привести бытовую зарисовку того времени: «В Шацком уезде есть очень почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери. В деревне была испанка, укладывавшая всех подряд. Устроили молебствие и крестный ход. Председатель Чрезвычайной Комиссии арестовал иеромонаха и икону. В Чрезвычайной Комиссии глумились над иконой, плевали, шваркали по полу и батюшку всячески изобидели. Шацкий уезд темный, претемный'. Обезумели все. Пошли стеной 'выручать Божью Матерь'. Бабы, старики, ребяташки. Председатель Чрезвычайной Комиссии открыл стрельбу из пулемета. 'Я солдат, был во многих боях с германцами, но такого я не видел, — пишет крестьянин. — Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед, кричат: 'Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за Тебя ляжем'. Страху уже в них не было никакого. Очень их много с перепугу большевики тогда побили'»...

В конце октября вспыхнуло восстание в селе Рудовка Кирсановского уезда. «Восставшие унтер-офицеры, офицеры, за ними вся волость имели оружие, гранаты, бомбы, устроили окопы вокруг деревни». Был послан карательный отряд. Начались аресты и расстрелы. «Наложен штраф: один миллион деньгами, десять тысяч пудов проса, муки, пятьсот коров, пятьсот лошадей, три тысячи овец, полтораста пудов масла коровьего, двадцать пять тысяч пудов сена, шесть тысяч пудов овса. Конtribusiция распределится по усмотрению созданного для ликвидации мятежа чрезвычайного штаба».

Но несмотря на присутствие карательного отряда, жестокости и расстрелы, восстание распространилось дальше по Кирсановскому уезду и слилось с восстанием в соседнем Моршанском уезде. Восставшие вооружились, «отобравши вооружение и пулеметы у моршанских отрядов, образовали настоящий фронт, и борьбу пришлось вести по правилам военной техники».

К этому времени расширилось также восстание и в Тамбовском уезде. Начались беспорядки и в самом Тамбове. «Уезд объявлен на военном положении, а волости Покрово-Марфинская, Лавровская, Грачевская, Дупято-Масловская и Богословская — на осадном положении». Вспыхивают восстания и в волостях Гореловской, Куньевской, Кариановской, Кочетовской и Абакумов-

ской. Все члены РКП(б) получают оружие. Мобилизуются «сознательные» рабочие. Энергично действует председатель уездной ЧеКа т. Круминс. Но ясно, что своими местными силами с восстаниями не справиться. К тому же вспыхивают восстания в соседних Пензенской и, особенно, Рязанской губерниях. Позже следственная комиссия установила, что центром восстания была деревня Сосновка Моршанского уезда.

8 ноября главком Вацетис, ставка которого находилась в Козлове, отдает приказ № 383 командующему V армией — экстренно направить 1-й и 6-й латышские стрелковые полки на подавление «эсеро-кулацкого» восстания в Рязанской губернии. Этот приказ совпал с капитуляцией Германии. Латыши торопятся «освободить» Латвию. Вихрем они проносятся по восставшим районам. Восстания подавлены, залиты кровью, но Вацетис переносит свою ставку в Серпухов, поближе к Москве.

В Тамбовской губернии восстание «подавлялось самым бесчеловечным образом. Были пущены в ход броневики и удушливые газы. Расстреливали невинных заведомо, о чем сознавались сами позднее: 'неудобно было отпустить, сказали бы, что мы боимся их, надо было поддержать авторитет и порядок'. Некоторые деревни артиллерийским огнем стерты с лица земли. Учесть расстрелов нельзя...».

За начало 1919 г. у меня

сведений очень мало. В № 46 за 1919 г. (март) «Известий» описывается крупное крестьянское восстание, «возникшее в Моршанском уезде, скоро охватившее смежные уезды Тамбовской губернии и перебросившееся в Рязанскую и Саратовскую губернии».

К концу 1919 г. относится интересный документ, составленный группой социалистов-революционеров и переданный ВЦИКу, совнаркому и президиуму ВЧК. Осенью 1919 г. опять по всей Советской России прокатилась волна восстаний и опять Тамбовская губерния была в первых рядах. Размеры восстания в Тамбовской губернии и жестокости при подавлении его превзошли все известное до тех пор. Поэтому Поволжское бюро партии (с.-р.) командировало группу социалистов-революционеров «на обследование крестьянских беспорядков в Тамбовской губернии». В самом начале документа эта группа «считает своим нравственным и революционным долгом заявить, что в ноябрьских противосоветских восстаниях крестьян в Тамбовской губернии партия с.-р. и в частности ее местные организации никакого участия не принимали. Заявляя через свои официозы о том, что означенные восстания являются результатом агитации партии с.-р., советская власть сознательно жлет, стараясь замолчать и затемнить ту страшную правду, которая вызвала этот зрыв народного гнева».

«Вспыхнув в одной, они (восстания — ЮС) быстро, как зараза, распространялись по другим волостям и наконец охватили целые уезды». Восставшие шли под лозунгами «Долой советы», «Да здравствует Учредительное Собрание». «Советская власть дзинула на места десятки карательных отрядов». Документ приводит примеры того, как подавлялось восстание.

«В Спасском уезде, во всех волостях, где только появлялись карательные отряды, шла самая безобразная, безразборная порка» крестьян. По селам много расстрелянных. На площади города Спасска публично, при обязательном присутствии граждан, односельчан, было расстреляно десять крестьян вместе со священником... Расстрелянных за Спасской тюрьмой 30 человек застали перед смертью вырыть себе одну общую могилу. В Кирсановском уезде усмирители в своей безумной жестокости дошли до того, что запирали на несколько дней арестованных в один хлев с голодным экономическим хряком; подвергшиеся таким пыткам сходили с ума... В Моршанском уезде сотни расстрелянных и тысячи пострадавших. Некоторые села, как, например, Ракша, почти уничтожены орудийными снарядами... «Особенно пострадал Пичаевский район, где сжигали десятый двор, причем женщины и дети выгонялись в лес». «Случаи насилия над женщинами надо считать десятками». «В

Тамбовском уезде многие села почти уничтожены пожаром и орудийными снарядами. Масса расстрелянных... В Бондарях расстрелян весь причт за то, что по требованию крестьян отслужил молебен после свержения местного совета. В Кариане вместе с другими... расстрелян член 1-й Государственной Думы С. К. Бочаров».

«Кроме 'специальных' карательных отрядов, — продолжает документ, — практиковалась также посылка на боевое крещение коммунистических ячеек и эти хулиганские банды устраивали по селам настоящие оргии... претворяя таким образом великий принцип 'Братства, Разенства и Свободы' в ужас татарского нашествия. Необходимо также отметить кровавую работу латышских отрядов, оставивших после себя долгую кошмарную память».

(Латышская стрелковая дивизия с начала 1918 г. и до выступления на фронты гражданской войны (август 1918 г.) находилась в распоряжении ВЧК и использовалась для подавления восстаний и других подобных дел. При переформировании дивизии в советскую (март—апрель 1918 г.) значительный процент чинов дивизии (возможно до половины) перешел на службу в ВЧК, которую москвичи стали называть «вотчиной латышей». Один из источников численность дивизии в то время определяет в 21.000 человек. Часть латышей заняла «штатные» должности в ВЧК — следова-

телей, охранников, филеров, палачей и т. д., а часть стала основой войск ВЧК, использовавшихся для подавления восстаний.)

«В настоящее время, — сообщает далее документ, — тюрьмы и подвалы чрезвычайек переполнены. Число арестованных по губернии нужно считать тысячами. Вследствие голода и холода среди них раззи-ваются всякие болезни. Участь большей половины арестованных ясна — они будут расстреляны...».

Документ кончается постскриптумом: «Восстания были также в Козловском, Усманском и Борисоглебском и остальных уездах Тамбовской губернии, причем относительно усмирения Шацкого уезда очевидцы говорят, что он буквально за-лит кровью».

Вот после этого подавления, думается мне, крестьяне поняли, что стихийными восстаниями на большевиков подействовать нельзя, они ни перед чем не остановятся. Даже если, по слову Ленина, придется истребить 9/10 народа. Тогда и на-

чали возникать в разных местах подбольшевицкой России Союзы и Братства трудозых крестьян. Во главе их становились сельские интеллигенты, кооператоры, офицеры из крестьянских сыновей, которых было не так уж мало, унтер-офицеры и сами крестьяне. Возможно, что многие из них были эсеры. Нельзя забывать, что на выборах в Учредительное Собрание Россия дала эсерам больше 50 процентов голосов, но сама партия с.-р. в подготовке этих восстаний никакого участия не принимала. Она все еще продолжала «решительно отвергать попытки свержения советской власти путем вооруженной борьбы». Центральный комитет партии с.-р. подтвердил эту позицию осенью 1920 г., уже после того как Тамбовская губерния опять запыхала восстанием: «Вооруженный фронт против контрреволюции и идейный фронт против большевиков...».

Большевики идеям предпочитали наганы, пулеметы и систему заложничества.

5. Антоновское восстание

Восстание, получившее название Антоновского, по имени своего вождя, началось 15 августа в селе Хитрово Тамбовского уезда. Местная группа Союза трудовых крестьян «ра-

зорила и арестовала прибывший в эту местность продотряд».

Через четыре дня — 19 августа восставшие заняли большое и богатое село Каменку

Кирсановского уезда. Здесь на сходе председатель губернского комитета Союза трудовых крестьян Г. Плужников огласил цели восстания, которые в общих чертах уже призвены выше.

Александр Степанович Антонов, уроженец села Инжавино, сын слесаря, Кирсановского мещанина, был принят в партию с.-р. в 1906 г. и вступил в дружину террористов. В 1909 г. его арестовали за вооруженное ограбление купца в Саратове и сослали в Сибирь. После Февральской революции он вернулся и получил скромный пост помощника начальника 2-й части городской милиции г. Тамбова. Октябрьский переворот застал его на должности начальника милиции Кирсановского уезда. Он остался на этом посту, но возбудил подозрения большевиков. По советским данным, уже тогда он устраивал небольшие склады оружия и продовольствия в зерных местах. В августе 1918 г. ЧеКа пыталась его арестовать, но он сумел ускользнуть сам и увез три подводы винтовок и боеприпасов.

Антонов собрал отряд и напал с ним на волостные советы, на небольшие подразделения Красной армии, на продовольственные склады и т. д. Его отряд принимал участие в многочисленных тамбовских восстаниях, но ничем особенным, как будто, не выделялся, кроме, может быть, сплоченности и решительности. Насчитывал он всего около 50 человек

кадровых. Во время рейда ген. Мамантова по большевицким тылам летом 1919 г. Антонов послал к нему делегацию. Так как ничего реального он Мамантову предложить не мог, попытка эта последствий не имела.

С конца 1919 г. Антонов принимал деятельное участие в организации Союза трудового крестьянства и добился большого влияния, возможно потому, что имел за собой хотя и небольшой, но постоянный, сплоченный и показавший себя отряд. Восстание 1920 г. сразу выдвинуло его на роль вождя широкого народного движения.

После захвата Каменки Антонов постепенно распространял восстание на соседние волости и уезды. К 8 сентября у него было уже 6 тыс. человек. В сентябре-октябре восстание охватило уже пять южных уездов Тамбовской губернии.

Армия Антонова строилась по территориальному признаку — каждый полк был прикреплен к определенной волости или району, от которых получал бойцов, конское пополнение и продовольствие. Полки имели номера и названия, очевидно, по месту формирования — Каменский (не знаю номера), 3-й Низовский, 4-й Паревский, 7-й Верхоценский, 9-й Семеновский, 14-й Нару-Тамбовский и т. д., а также Особый, насколько можно понять, находившийся под непосредственным командованием Антонова.

Советские источники сообщают, что «на вооружении

банд (так они называют востазших — ЮС) находились винтовки различных систем, дробовики, обрезы, пики, а также косы, топоры, вилы, дубины. — И продолжают даже не с новой строки: — Банды снабжались оружием из-за рубежа... И это написано совершенно серьезно. Вилы и дубины из-за рубежа. Но и советские источники принуждены признать, что «значительную часть вооружения и боеприпасов банды добывали в бою». Только не значительную, а все. Так было и в Добровольческой армии. Называлось это «снабжение за счет противника» — других поставщиков не было. И платили за оружие ценой крови, иногда большой крови. Вооружение всегда было слабым местом всех противников большевиков.

И особенно трудно пришлось Антонову. Вооружить свою быстро росшую армию вряд ли он мог даже ценой большой крохи. Красных частей в губернии было тогда мало. Антонов и нападал на них, и разоружал. Частично они сами переходили на его сторону. Перебегали на его сторону даже члены партии. Половина «членов партячеек» Кирсановского уезда перешла к Антонову. Но даже разоружив все красные части, имевшиеся в губернии, Антонов не был бы в состоянии снабдить оружием всю свою армию. Ему удалось отбить у красных 4 (по другим источникам — до зосьми) орудия и несколько десятков пулеметов, но

боеприпасы расходовались быстро, а пополнять их запасы становилось все труднее.

Армию Антонова советские источники делят на «личные» полки, вероятно, вооруженные огнестрельным оружием, и полки «крестьянских повстанцев», т. е. тех, кого в ту эпоху называли «вильниками». Они были вооружены вилами, косами, топорами, дубинами и только редкие из них имели охотничьи ружья. Каково было соотношение «личных» полков к полкам вильников, мне установить не удалось.

Большевики, конечно, сразу пустили в ход свои испытанные средства: круговая порука, заложничество и массовый террор — расстрелы, расстрелы, расстрелы. 1 сентября 1920 г. оперштаб тамбовской ЧеКа издал приказ:

«Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты будут выступления продолжать, расстреливать их». И расстреливали.

Тамбовские «Известия» сообщили 5 сентября о сожжении пяти «бандитских» сел. 7 сентября они же сообщили о расстреле более 250 крестьян. Села с населением в несколько тысяч человек сжигали за срыв одной прокламации. В Елатье расстреляли 300 человек, причем заставили их вырыть себе могилу. Брели заложников, главным образом, женщин и детей. Расстреливали и их, а

тех, кого не убивали, гноили годами в тюрьмах вместе с детьми или выслали в гиблые места.

Но ни сожжение сел, ни арест и расстрел заложников, членов семей восставших, ни массозый (массовидный, по выражению Ленина) террор не были уже в состоянии потушить восстание. Жестокости коммунистов вызывали ответные жестокости восставших. К октябрю восставшие уничтожили 41 волостной совет в Тамбовском уезде и большеинстзо волостных советов в Кирсановском уезде. Большевиков истребляли. Коммунистические ячейки переходили «на подпольное положение». К декабрю восставшие захватили почти всю Тамбовскую губернию (за исключением городов). Силы их были разделены на четыре крупные подзигные группы. В январе у Антонова было уже две армии, состоявшие из 21 полка и отдельной бригады, общей численностью 40-50 тысяч человек.

Одновременно и большевики наращивали численность своих войск в губернии. Прибывали отборные части: полк ВЧК и три полка ЧОН из Москвы, полк ЧОН и интернациональный полк из Казани, 15-я кавалерийская дивизия из Киева, украинская кавалерийская бригада Дмитриенки, кавалерийский полк, две стрелковые бригады, 3 бронепоезда, 3 бронепоезда ВЧК (1-й, 21-й и 52-й), авиационный отряд, не считая мелких подразделений. Крас-

ные войска имели на вооружении около 500 пулеметов, свыше 60 орудий и несколько железнодорожных бронелетучек.

Все это прибыло в Тамбовскую губернию не позже января 1921 г. «Уже тогда, — отмечает советский источник, — советские войска имели численный перевес над мятежниками». И могли выставить против вильников Антонова самое современное вооружение.

Положение Антонова ухудшается. Его полки — фактически, крестьянское ополчение, не обученное, не подготовленное, не знакомое с военной дисциплиной, без опытного командного состава — имеют противником регулярную армию, прекрасно вооруженную, в значительной своей части специализировавшуюся в продолжение трех лет на подавлении таких восстаний и превосходящую в числе. Антонову становится тесно в Тамбовской губернии. Если он не распространит восстание на соседние губернии (то, чего так боялся Ленин), его задавят. В январе, феврале и начале марта Антонов делает вылазки относительно крупными силами в соседние губернии — Саратовскую, Воронежскую и Пензенскую. Но там положение сложилось совсем другое.

Тамбовская губерния приурочила начало восстания к августу, к моменту прихода первых продовольственных отрядов, задачей которых было отобрать у крестьян урожай. Хлеб остался в губернии, и она голо-

да не испытывала. Кроме того, Антонов сразу же после начала восстания захватил несколько продовольственных складов, а также запасы совхозов и сельскохозяйственных коммун. В соседних губерниях уже начался безысходный голод.

Крестьяне начали голодать в 1919 г. К осени 1919 г. продовольственные отряды уже успели выкачать из деревни почти все. В 1920 г. страна жила не столько за счет уже обобранного своего крестьянства, сколько ограблением отвоєванных у Белых армий богатых областей Юга России, Северного Кавказа и Сибири. Дальше захватывать и грабить было нечего. Поэтому 21 апреля 1920 г. заготовки хлеба — продрозверстка — были возложены на ВЧК. Результат сказался сразу: острый голод охватил области с населением в десятки миллионов человек.

В феврале 1921 г. средний суточный пищевой рацион сельского населения в Тульской губернии (признанной большевиками благополучной по питанию) равнялся 1500 калорий на человека, Саратовской — 1700, тогда как работающий человек должен получать ежедневно не меньше четырех — четырех с половиной тысяч калорий. Уже в ноябре 1920 г. суточный пищевой рацион в этих губерниях колебался между 2000 и 2500 калорий. Но продовольственную разверстку 1920 г. Тульская губерния выполнила на 108%, Саратовская — на 105%. В некоторых гу-

берниях положение было еще хуже.

В Саратовской губернии «жесточкий голод начался уже зимой, были случаи голодной смерти. Есть селения с населением в 5.000, из коих 4.200 лежат опухшие от голода».

«Население не в силах ходить и сидеть. Оно лежит, завернувшись во все свои одежды и лохмотья. Тошуют до того, что не могут встать, умирают и мертвые лежат среди живых»... Это описание «тульско-го большого и когда-то зажиточного селения» относится к февралю 1921 г.

В Пензенской губернии «люди совершенно ослабели. Некоторые не могут пройти саженой 20, падают как от ветра». Уроженец той же губернии пишет: «Первое, что представилось по приезде из Красной армии, это изможденные, голодные крестьяне. Встречаю знакомых и не узнаю. Люди как тени».

«Крестьяне... в зиму 1920-21 гг. ели желуди, древесные опилки, кору берез и лип, глину, лебеду, жмыхи, отруби и мякину, листья; весной жили молодыми веточками дерев, конским щавелем и т. д.». Но «потребление суррогатов вызывает массовые желудочные заболевания и голодные смерти». Так, например, в Балашевском уезде (Саратовская губ.) зарегистрировано 33.483 случая заболеваний и 309 голодных смертей, в Ставропольском (Самарская губ.) — 358 голодных смертей.

Неизбежность голода была ясна уже с весны 1920 г. Остатки общественности, уцелевшие от красного террора, «недорезанные», пытаются обратить внимание новых господ на надвигающееся бедствие. Но на третьей сессии ВЦИКа (осень 1920 г.) Брюханов, заведующий продовольственными операциями, угрожал: «Мы совершенно определенно вынуждены будем в целом ряде губерний в борьбе с кулачеством вступить на путь применения военной силы. И совет народных комиссаров в этом отношении принял целый ряд решений, в результате которых мы значительно должны будем увеличить кадры военных сил, предназначенных для продовольственной работы». И действительно. Продовольственные отряды исчисляются тысячами и поставляет им кадры ВЧК. Во главе их становятся заслуженные палачи, вроде Ладиса. И уже голодающие губернии перевыполняют план. Забирают все, под метелку. И крестьянам остается питаться древесиной, глиной, листьями, молотыми костями и умирать с голода.

Но положение не улучшается. Тогда с пайка снимают целые категории служащих, в существовании которых советская власть больше не заинтересована. Паек урезают рабочим. Вводят «государственное регулирование сельского хозяйства» — мертворожденное кабинетное измышление, первое издание колхозов, в результате ко-

торого сгнили или проросли миллионы пудов зерна для семян. А сытый всероссийский староста Калинин поучает умирающих с голода: «Питер может научить, как надо голодать. Ведь бороться с голодом не значит получать продукты».

Голод был не единственной казнью, выпущенной большевиками на Россию. Эпидемии различных заразных болезней (разные виды тифа, оспа, испанка, дифтерит, дизентерия) начались еще в 1918 г. В 1921 году они достигли апогея. Лекарств нет. Врачей нет. Большевики относили врачей к категории классовых врагов, к буржуазии. Их тоже брали заложниками и тоже убивали. «Там, где еще остались прежние земские врачи, их участки непомерно велики. Они охватывают два, а то и три уезда. В Чембарском уезде Пензенской губернии на 210.000 жителей имеется два врача, из которых один болен. На 300.000 населения Балашевского уезда Саратовской губернии имеется три врача», — так писал наркомздрав Семашко, бездарный, суматошливый и вздорный человек, имя которого обессмертили, назвав им распространителя эпидемий — вшей. Так и говорили: «У меня семашки завелись». Да и что могли сделать врачи без лекарств. Обессиленное трехлетним недоеданием и наступившим острым голодом население вымирает.

В 1921 г. прибавилась еще эпидемия холеры. К концу августа 1921 г. было зарегистри-

ровано официально 112.582 случая заболевания холерой. «Это официально зарегистрировано, а сколько умирает так, в закоулках?». «Холера уже разразилась крупной эпидемией, — пишут «Известия». — Ростов, Поволжье, Воронеж, Орел пылают... Теперь уже нельзя скрывать, что холера проникла во все углы России, она вся ею заражена и помочь мы уже не можем — поздно, ибо, главным образом, санитарные условия ниже всякой критики. Канализации нет даже в столицах, все поломано, испорчено».

Города годами не чистились и стали рассадниками эпидемий. Саратов, «не чистившийся в течение трех лет, оказался обреченным на гибель, вследствие ужасного зловония от растаявших нечистот, явившихся рассадником страшной эпидемии». «Холерная эпидемия в Самаре делает одно завоевание за другим. Дыханием смерти веет на улицах...». Астрахань — «помойная, мусорная яма».

Спасаясь от голода, население бежит в места, где оно надеется найти хлеб. «Голодное переселение, как чисто зоологическое бегство голодных людей куда попало, лишь бы спастись от гибели, началось у нас уже в 1918 г., а к 1920 г. оно дало уже около 600 тыс. душ переселенцев». В 1920 г. переселение усилилось. Только по Новосильскому уезду Тульской губернии в 1920 г. было выдано разрешений на переселение

в «сытые места» 35.000 чел. А покинули уезд не меньше 50.000 — на 156.000 населения уезда.

В 1921 г. переселение приняло стихийные размеры. С места срываются миллионы и бегут, куда глаза глядят... к «индийскому царю». К середине года из одной только Саратовской губернии ушло до 350.000 человек. «...до зимы сдвинется с места едва ли менее 10 миллионов...» — пишет в июле «Экономическая жизнь». «Голодное население Поволжья двинулось на юг, сея по пути заразу и смерть», — возвещают «Известия».

Все, что может еще предвидеться, все активное покидает гиблые места. Остающиеся, пухнувшие с голода, впавшие в голодную апатию, не могут оказать достаточную поддержку вспыхивающим то здесь, то там восстаниям. Но даже в вымирающем от голода и эпидемий Поволжье люди борются с ненавистной властью и умирают. Сапожковское восстание продолжалось два года.

В марте Антонову стало ясно, что распространить восстание на соседние губернии невозможно. Тамбовская губерния изолирована и предоставлена своим силам. Тогда он ставит следующей задачей захват Тамбова. Нужно полагать, что захватом Тамбова он хотел дать восстанию крупный объединяющий центр. Кроме того, таким

эффектным успехом, как занятие губернского города, Антонов, возможно, надеялся вызвать выступления врагов советского режима в других местах.

Мне кажется, что именно к этому времени относится имеющееся у меня воззвание Антонова (из собрания Б. И. Николаевского):

«Красноармейцы! — начинается оно. — Пробыл час нашего озсобождения.

Наступил момент избавления от красных самодержцев, засевших как соловей-разбойник в Москве-белокаменной, опоганивших наши святыни, наши иконы со святыми мощами, проливших море невинной крови отцов и братьев наших, обративших в непроходимую пустыню наше сильное и богатое государство».

«Для спасения Отчизны, для выручки Москвы из рук красных палачей я принял на себя командование всенародным ополчением в г. Тамбове, как некогда Минин и Пожарский собирали полчища народные в славном Нижнем Новгороде. Сейчас в моем распоряжении 120.000 армия.

Вот вам мой приказ:

не взирая ни на какие препятствия, немедленно выступайте в поход на соединение с моим ополчением».

Воззвание заканчивалось так:

«Отечество в опасности, оно зовет вас на подвиг.

Итак за мной на выручку Москвы!

С нами Бог и Народ!

Ко мне в Тамбов!

Командующий всенародным ополчением

Антоноз.

г. Тамбов».

Тем временем положение в Тамбовской губернии продолжало для Антонова ухудшаться.

Обеспокоенный ростом и масштабом восстаний, Ленин приказал сформировать центральный орган по борьбе с ними. В январе 1921 г. такой орган был сформирован. Он получил название Центральной междуведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом. В нее входили представители ЦК РКП(б), Совета труда и обороны, реввоенсовета, ВЧК, ЧОН, главного командования «рабоче-крестьянской» Красной армии и народного комиссариата путей сообщения. Комиссии были даны самые широкие полномочия. Это был фактически главный штаб по борьбе с восстаниями. Такое огромное значение придавалось этой комиссии, что в нее вошли руководители многих из этих учреждений. От ВЧК — председатель Дзержинский, его заместитель — Уншлихт и «первый человек после Дзержинского» — Менжинский, от Красной армии — главком С. Каменев и помощник начальника штаба Шапошников, от реввоенсовета — Склянский и Гусев. И, конечно, «основное внимание Центральной

комиссии по борьбе с бандитизмом было сосредоточено на разгроме кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии».

В Тамбовской губернии для непосредственного руководства борьбой с восстанием была сформирована Полномочная комиссия ВЦИКа. С конца марта 1921 г. такие комиссии образовывались везде, где в то время происходили крупные восстания. Состояли они обычно из пяти членов: уполномоченный ВЦИКа (председатель), командующий войсками (зам. председателя), особоуполномоченный ВЧК и два представителя от губернских партийных органов. В руках этих комиссий сосредоточивалась полнота власти — партийной, чекистской и военной. Председателем Полномочной комиссии в Тамбовской губернии стал член ВЦИКа Антонов-Овсеенко, его заместителем — Тухачевский.

«Для повышения уровня чекистской работы... прибыли из Москвы 100 чекистов, в том числе особоуполномоченный ВЧК т. Антонов» (третий Антонов Тамбовского восстания, вероятно, хулиганский псевдоним). Из разных мест перебросили до 1.200 политработников. С февраля-марта появляются сведения о действиях бригады ВЧК трехполкового состава.

В феврале-марте Антонов начал терпеть поражения. Вернее, это не поражения. Плохо вооруженные полки Антонова не могут принять бой с превосхо-

дящим в числе и вооружении противником. Они рассыпаются, чтобы вскоре собраться в другом месте, но несут при этом большие потери.

Сосредоточение антоновских частей около Тамбова идет в обстановке постоянных боев. Наблюдение за ними ведется с воздуха. В места скопления повстанцев посылаются крупные кавалерийские части, усиленные бронепотягами. Приходится расплываться, чтобы позже собраться в другом месте. Но преимущество красных в численности и в вооружении слишком велико. Собранный под Тамбовом кулак Антонова в 6 тыс. человек при трех орудиях 22 марта попал в окружение. Ценой больших потерь антоновцам удалось прорваться и даже спасти орудия. Но в боях под Тамбовом в марте были разбиты и частично уничтожены лучшие полки Антонова — Особый, 4-й и 8-й. От захвата Тамбова пришлось отказаться.

Решимости продолжать борьбу эти поражения не подорвали. Начальник штаба Красной армии в докладе от 29 марта 1921 г. сообщает, что «приходится действовать среди самой толщи врагов, рискуя каждый день и час получить удар не только с фланга, но и с тыла. Многочисленные сторонники повстанцев-бандитов проникают во все поры военного организма, разведывая, ведя незаметную агитацию и нанося вред совершенно неожиданно там, где меньше всего можно было бы ожидать».

В начале апреля Ленин посылает в Тамбовскую губернию Тухачевского, только что подавившего Кронштадтское восстание. Ему, как специалисту, Ленин дает месячный срок для «разгрома Тамбовского эсеровулацкого мятежа». Одновременно в губернию накачиваются новые подкрепления. В апреле приходит молдавская конная бригада Котовского со своей конной артиллерией и 2-я стрелковая бригада. В апреле же в Тамбовской губернии сосредотачиваются 7.000 курсантов Московского и Орловского военных округов, к которым присоединяются кавалерийские курсы усовершенствования комсостава Красной армии. В апреле же присылаются дополнительно несколько авиационных и броневых отрядов. Численность частей особого назначения (ЧОН) доведена до 6.430 человек. В помощь Тухачевскому академия генерального штаба «направила группу слушателей во главе с Федько». В начальники штаба Тухачевский получает Какурина, в помощники — Уборевича.

Новый командующий войсками Тамбовской губернии сразу развивает лихорадочную деятельность. Антонову не дают покоя. В нескольких боях в начале апреля ему наносят тяжелые поражения. Он терпит огромные потери. Красным удается даже захватить его обоз с боеприпасами. Положение становится критическим. Но Антонов проводит смелую до дерзости операцию. В одну ночь он

сосредоточивает около большого села Рассказово конный отряд численностью до 5.000 сабель и рано утром, неожиданной атакой, захватывает в плен целый красный батальон, стоявший в селе. В руки Антонова попадают вооружение и склады батальона.

Вероятно, после этой операции и была сложена частушка:

**Во Рассказове метель,
А в Тамбове склизко.
Что лютуешь, коммунист,
Ведь Антонов близко.**

Но вооружения и боеприпасов не хватает. Тогда Антонов разрабатывает план захвата Кирсанова. В Кирсанове расположен штаб 1-го боевого участка, которым командует Федько. В нем должны быть большие склады вооружения и боеприпасов. Так же неожиданно Антонов стягивает к Кирсанову отряд в 6 тыс. человек и 25 апреля атакует его с трех сторон. Но Кирсанов слишком хорошо защищен. Все атаки отбиты и на помощь осажденному городу подтягиваются красные части. Антонов снимает осаду и выступает навстречу батальону, посланному по железной дороге от станции Градский Умет. 27 апреля батальон окружен и разгромлен. Но в это время на поле боя выходит 442-й стрелковый полк. Антонов отступает. С одними шашками против хорошо вооруженного полка ничего поделать нельзя. Но той же ночью антоновцы переходят в атаку на полк. Преимущество в воору-

жении не имеет такого значения ночью. Полк начинает отступать. Возникает паника. Но в это время на отряд Антонова с одной стороны ударяет кавалерийская бригада Дмитриенки, с другой — 14-я кавалерийская бригада. Силы слишком неравны. Отряд Антонова рассыпается в разные стороны. Только за четыре дня боев за Кирсанов антоновцы потеряли свыше 2 тысяч человек.

В начале мая Тухачевский получает запрос от Центральной комиссии. Месячный срок прошел, а восстание еще не разгромлено? Мне неизвестен его ответ, но Тухачевский понял уже, что военное решение невозможно. Антонов опирается на единодушную поддержку населения. И «красный Наполеон» вырабатывает в сотрудничестве с особоуполномоченным ВЧК и Полномочной комиссией ВЦИКа план кампании по завоеванию и «советизации» Тамбовской губернии.

12 мая 1921 г. Тухачевский отдает приказ. «На задачу искоренения бандитизма, — говорилось в нем, — следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну». Приказ продолжает: «Операции против бандитов должны вестись с непогрешимой методичностью, так как бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда самый характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательнос-

тью и жестокой настойчивостью». «Уважение» достигалось, главным образом, расстрелами.

Практически это выглядело так. В каждую волость в определенной последовательности вводились войска, значительно превосходившие численностью отряды Антонова, базировавшиеся на эту волость. Красные ставили себе задачей окружить антоновцев и уничтожить их или, по крайней мере, разбить и выгнать из волости. Преследование разбитых возлагалось на сильные подвижные отряды, состоявшие из броневиков, грузовиков и легковых машин, вооруженных пулеметами, а также конных подразделений. Эти отряды должны были «впиваться» в преследуемых и не оставлять их в покое до полного уничтожения или распыления. Эти подвижные отряды называли красочно «пьявочными».

Одновременно в волость посылали ревком и чекистов. Они вылавливали оставшихся антоновцев, арестовывали их семьи, брали заложников, высылали из губернии ненадежных и «последовательно и до конца проводили все объявленные населению жестокие меры наказания», а меньше расстрела наказания не было.

Одновременно же в этой области объявлялся двухнедельник добровольной явки — «прощенные дни». Рядозым антоновцам гарантировалось прощение и возвращение к семьям, дезертирам — безнаказанность и посылка в воинские части до

окончания срока службы, вожакам — гласный суд без применения расстрела. Такие «прощенные дни» начали практиковаться с конца марта — начала апреля, после поражения Антонова под Тамбовом. Эти амнистии имели некоторый успех, особенно среди дезертиров. Сдавались малодушные, уставшие, сдавались, чтобы спасти семью арестованную и находящуюся под угрозой расстрела семью.

Большевики первое время не нарушали данного обещания, но сдавшиеся должны были доказать искренность своего раскаяния — рассказать все, что им было известно, предать вчерашних соратников. 100 чекистов и 1.200 политработников получили работу. Они выяснили схему организации Союза трудовых крестьян и систему дислокации и базирования частей Антонова, составили списки виднейших антоновцев, членов СТК и их семей. В мае 1921 г. одновременно в разных частях губернии было «изъято» до 2 тыс. человек. Я не знаю, что подразумевалось под термином «изъято». Одним ударом восстание было обезглавлено и организация его разрушена. Борьба стала безнадежной. Продолжать в таких условиях сопротивление равнялось самоубийству, но борьба продолжалась.

Ни одному иноземному завоевателю не приходилось преодолевать такое сопротивление, какое оказали русские крестья-

не «рабоче-крестьянской» советской власти.

Вытесненные из своих местностей, преследуемые превосходящими силами красных, усиленными «пьявочными» отрядами, — вооруженные почти только холодным оружием, без артиллерии, пулеметов и боеприпасов, восставшие спасались от окружения только быстрыми переходами. Но и это мало помогало. Наблюдение за ними велось с воздуха и сохранить в тайне передвижения крупных конных соединений было невозможно.

29 мая шесть полков 2-й армии Антонова попытались пробиться в лесной район около села Инжавина, но наткнулись на сильные заслоны красных. Они повернули на восток и ушли в Саратовскую губернию. 1 июня они остановились на отдых в селе Елань. Но за ними уже шел сильный автобронезой «пьявочный» отряд. Несколько броневики ворвались в село и расстреливали в упор застигнутых врасплох антоновцев, другие броневики окружили село и перерезали дороги. Антоновцам все же удалось вырваться из окружения. Ночью они собрались в лесу около города Сердобска. Но замести следы им не удалось. К утру они были опять окружены все тем же автоброневым отрядом и кавалерийской бригадой Котовского.

Положение было безвыходным. Начинался артиллерийский обстрел леса. К опушке подходили броневики. И тогда там-

бовские мужики пошли в атаку, в одну из самых безнадежных и самых блестящих атак в истории русской конницы. С саблями на пулеметы. Всей своей массой антоновцы обрушились на 2-й полк бригады Котозского, которым командовал Криворучко. Атака была настолько стремительной, что котовцы не выдержали. Антоновцы прижали их к высокому берегу реки и через пробитую брешь вылились на свободу. Этот прорыв стоил им больше тысячи человек убитыми.

Потрепанные и поредевшие полки Антонова, оторвавшись от преследования, взяли направление на г. Чембар. И так силен был страх перед ними, что главнокомандующий С. Каменев послал телеграммы командующим войсками Приволжского и Заволжского военных округов с приказом оказать содействие командующему войсками Тамбовской губернии.

Но это был уже конец. Из Чембара Антонов повернул к югу, в Кирсановский уезд. О новом направлении сразу же стало известно от летчиков. 6 июня измотанные боями и постоянными переходами остатки 2-й армии опять попали в окружение. И опять ценой огромных потерь им удалось прорваться. Часть их рассеялась в лесах в долине реки Вороны, часть присоединилась к 1-й армии под командованием штабс-капитана Богуславского. В последнем бою сам Антонов был ранен. 2-я армия перестала существовать.

10 июня 1-я армия начала пробиваться на юг, — прошел слух, что на Дону вспыхнуло восстание. В 1-й армии оставалось только около трех тысяч бойцов. Путь ей преграждали кавалерийские части и автоброневые отряды. Неся огромные потери, истекая кровью, отбиваясь от атак со всех сторон, она медленно продвигалась к югу. 17 июня остатки ее были окружены в районе Новохоперск—Урюпинская. К 19 июня 1-я армия была полностью уничтожена. Раненый Богуславский был захвачен в плен и замучен.

От обеих армий Антонова остались отдельные отряды численностью от нескольких десятков до нескольких сот человек. Началось методическое их уничтожение. Обращает на себя внимание малое число пленных антоновцев в этих завершающих операциях по сравнению с числом убитых. Возможно, что пленных не брали, но еще более возможно, что в плен не сдавались. Высокие потери, понесенные красными частями, участвовавшими в операциях по уничтожению, показывают, что антоновцы на спасение не надеялись и только старались подороже продать свои жизни.

15 июля в 12 км от Козлова был полностью уничтожен отряд Карася, одного из ближайших и доблестнейших сподвижников Антонова. Сам Карась был убит. После этого из крупных отрядов остался только один — бывшего фельдфебеля Матюхина. Он насчитывал до

500 человек и располагался в лесах около села Дмитриезского. Уничтожить его в открытом бою стоило бы слишком дорого. Тогда ВЧК разработала предательский план. Из части бригады Котовского был составлен «Кубано-Донской повстанческий отряд атамана Фролова». Роль «Фролова» взял на себя Котовский. В ночь на 20 июля этот отряд якобы пробился с боем в расположение отряда Матюхина. Произошла встреча. Матюхин поверил обману. Обману помогли упорные слухи о восстании на Дону. Оба отряда перемешались.

20 июля на рассвете началось истребление матюхинцев. Сам Матюхин был убит и его отряд полностью истреблен.

20 июля председатель Полномочной комиссии ВЦИКа в Тамбовской губернии Антонов-Овсеенко послал ЦК ВКП(б) победную телеграмму: «Банды Антонова разгромлены. Шайки Богуславского уничтожены. Банда Карася вместе со своим атаманом ликвидирована...».

И в тот же день, 20 июля, докатившийся из соседних губерний «...поток голодных зорвался в Тамбов и буквально затопил город. Обезумевшие от голода люди смяли заставы красноармейцев, рассыпались по городу и начали громить магазины и склады. Лошади конного отряда, пожарной команды и извозчицьи были зарезаны и съедены. Все, что не могло быть съедено на месте,

— унесено, и когда передовая часть толпы вышла из города и двинулась дальше, сменявшие их... уже ничего не нашли».

История не скупится на символы.

Я подсчитал приблизительно число антоновцев, убитых в боях с конца декабря 1920 г. по конец июля 1921 г. по советским данным. Получилось около 17 тысяч. Но убитых было много больше. Во-первых, восстание началось в середине августа и по конец декабря антоновцы тоже несли потери: убивали их также и после конца июля. Во-вторых, в советских источниках описаны не все бои и не для всех описанных боев даны цифры потерь антоновцев.

Армии Антонова насчитывали от 40 до 50 тысяч человек. Им пришлось драться с противником, значительно превосходившим их не только в числе, но и в вооружении. Под конец, артиллерии, пулеметам, броневикам, самолетам красных они могли противопоставить только сабли, вилы, да собствзненные груди. Назовите другую армию, которая в таких безнадежных условиях продолжала бы сопротивление с такой стойкостью и решительностью до смертного конца. Даже старая гвардия Наполеона, которая «умирала, но не сдавалась», оказалась на проверку легендой. У Антонова было всего только крестьянское ополчение.

С уничтожением живой силы антоновцев можно было бы перейти к тому, что большевики называют «мирным строительством». Но так велика была ненависть к коммунистическому завоевателю, что восстание легко могло вспыхнуть опять с новой силой. Да и сам Антонов был еще жив. Необходимо было дальше и крепче зажимать гайку террора. Необходимо было укротить строптивую губернию, поставить на колени, «советизировать» ее. И 11 июня, сразу после уничтожения 2-й армии Антонова, Полномочная комиссия ВЦИКа издала приказ:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых, в случае неспасения оружия.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит (т. е. восставший крестьянин — ЮС), подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматриваются, как бандитские, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

5. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределять между зерными

советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

6. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

И приказ этот подписал тот, кого позже легкомысленно прочили в «красные Наполеоны» — М. Тухачевский.

О том, как «сурово и беспощадно» проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют следующие цифры. Уже после полного подавления восстания, с 15 августа по 15 октября 1921 г. в одном только Борисоглебском уезде было захвачено 3.157 повстанцев, арестовано 3.024 дезертира и взято 1.326 заложников. Часть их, неизвестно какая, но во исполнение приказа — немалая, была расстреляна. А всего в Тамбовской губернии уездов было 12.

Высылки из Тамбовской губернии, насильственное переселение в гиблые места, начались еще в марте 1921 г. Но они показали Центральной комиссии по борьбе с бандитизмом недостаточными, и в июне комиссия приказала усилить высылки. По одним сведениям, переселяли на север — в Вологодскую и Архангельскую губернии, по другим — в пустыни к Аральскому морю. В тогдашней голодающей России место высылки не имело значения. Результат был один — смерть.

Сколько было выслано? Называли цифру 80-100 тысяч.

Возможно, что цифра эта преуменьшена. По свидетельству Калинина, выслали целыми деревнями. А таких деревень, из которых до 80% мужского населения уходило к Антонову, было не мало. Кроме того, в качестве заложников были арестованы тысячи, десятки тысяч членов семей повстанцев. Их отправляли в тюрьмы и концентрационные лагеря, когда не расстреливали. С. П. Мельгунов пишет: «В одном только кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921-22 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в числе их дети от 1 месяца до 16 лет». Кроме того, источники упоминают о расстрелах и высылках железнодорожников, поддерживавших Антонова.

Но строптивая губерния становиться на колени не желала. Тамбовский губком сообщил в феврале 1922 г., что мелкие отряды повстанцев «имеют связь с крестьянством и представляют из себя опасные белогвардейские потенциальные организации». Несколько позже ПУР доложил Оргбюро ЦК РКП(б), что «наряду с уничтожением живой силы тамбовского эсеровского бандитизма не достигнуто еще полной идейной дискредитации такового, а следовательно, не исключена возможность нозой бандитской волны весной т. г.».

И тогда большевики спустили на Тамбовскую губернию своего надежнейшего союзника — голод. В 1922 г. на 100 рождений в Тамбовской губер-

нии доходило до 216 смертей, т. е. смертность больше чем в 2 раза превышала рождаемость.

Русский народ первый стал жертвой принудительного переселения и геноцида.

6 июня Антонов был ранен, но скрылся с небольшой группой соратников из 10-15 человек. Для его поимки или убийства делалось все возможное. В начале августа поступили сведения, что он скрывается в болотах около Змеиного озера. Дважды прочесывали болота и соседние леса, но Антонов опять ушел. При этом он, по некоторым сведениям, опять был ранен. С тех пор след его потерялся.

Сразу же начинается его зыслеживание. Большевикам, чтобы спать спокойно, необходимо его уничтожить. Целый год вождь восстания прожил в Тамбовской губернии, где каждый знал его в лицо. И только в мае 1922 г. чекистам удалось напасть на его след и к концу июня открыть место, где он скрывался.

24 июня 1922 г. отряд тамбовской ЧеКа к вечеру окружил на окраине села Нижний Шибряй избу Н. Катанасовой. Начался бой. Находившиеся в избе братья Антонозы отстреливались. Чекистам удалось поджечь избу. При попытке пробиться к лесу Александр Степанович Антонов и брат его Дмитрий пали смертью храбрых.

6. Мера нашего свободолюбия

О размахе крестьянских восстаний свидетельствуют следующие цифры. Статистическое управление РККА определяет боевые потери Красной армии за 1919 г. в 131.396 человек. В 1919 г. шла война на четырех внутренних фронтах против Белых армий и на Западном фронте против Польши и прибалтийских государств.

В 1921 г. ни одного из этих фронтов уже не существовало, война шла только против безоружного народа и то же управление исчисляет потери «рабоче-крестьянской» Красной армии за этот год в 171.185 человек. Войска ВЧК в Красную армию не входили и их потери в эту цифру не включены. Не включены, возможно, и потери ЧОН, ВОХР и других коммунистических отрядов, а также и милиции. Одно только сопоставление цифр двух лет показывает размах, ожесточенность и грандиозность войны народа с советской властью.

«До самого конца 1922 г., — сообщает советский источник, — военное положение сохранялось в 36 губерниях, областях и автономных республиках страны», т. е. почти вся страна была на военном положении.

Во что обошлись России октябрьский переворот и приход к власти большевиков? Здесь

точных цифр нет и к приближительным результатам можно придти только косвенными путями. Но сначала несколько цифр для характеристики красного террора.

Генерал Деникин учредил «Особую комиссию по расследованию злодеяний большевиков». Комиссия собирала материалы до осени 1919 г. С поражением Вооруженных сил Юга России она работать перестала. На основании собранных ею и позже обработанных материалов была выведена цифра в 1.767.018 человек, убитых различными органами красного террора за первые не полные два года советской власти. Вот как распределялись жертвы красного террора:

28	епископов,
1.215	священников
6.775	профессоров и учителей
8.800	докторов,
54.650	офицеров,
260.000	солдат,
10.500	полицейских офицеров,
48.500	полицейских агентов,
12.950	помещиков,
355.250	представителей интеллигенции,
193.350	рабочих,
815.000	крестьян.

«...едва ли следует считать преувеличенным ее общий итог», — написал об этой циф-

ре такой осторожный человек, как П. Н. Милюков, высказывая сомнения в правильности распределения убитых по различным категориям.

Материалы, собранные комиссией, хранились в Русском архиве в Праге и в конце Второй мировой войны попали в руки большевиков. Проверить правильность распределения по категориям мы теперь не в состоянии. И все же, поражает чудовищное число убитых образованных людей. Почти полмиллиона. Что это значило для России, нетрудно себе представить.

Но истребление русской интеллигенции на этом не остановилось.

«Получаю от времени до времени письма от бежавших из большевицкого рая, где так цветут науки и искусства, учителей моих, коллег и учеников, — писал в № 2 «Современных Записок» (1920 г.) проф. М. Ростовцев. — И каждое письмо содержит прежде всего 'синодик' — сухие списки погибших с однообразными приписками: умер от голода, расстрелян, покончил самоубийством. Десятки имен — одно крупнее другого, десятки образов самоотверженных работников на ниве науки и просвещения, профессоров-идеалистов»...

И проф. М. Ростовцев приводит много имен тех, кто был гордостью русской науки и кого большевики расстреляли, довели до самоубийства, уморили голодом. Еще больше имен приводит проф. Питирим Сорокин.

О том же писал Куприн: «Достаточно было взять лишь адресную или телефонную книгу и против знакомых имен ставить краткие отметки: ЧК... ЧК... ЧК... умер от тифа, от голода, от холеры, дизентерии, сапа, истощения... расстрелян, расстр., расстр., расстр.».

Что же касается общей цифры — 1.767.018 человек — мне кажется, что она не полна.

На 1 января 1918 г. на территории, которая позже стала Советским Союзом, проживало 142,6 млн. человек. По переписи конца августа 1920 г. на той же территории осталось всего 134,3 млн. Абсолютные потери — 8,3 млн. За то же время в Россию вернулось не меньше 2 млн. военнопленных. Это число следует прибавить к абсолютным потерям, которые повысятся до 10,3 млн. — за 2 года и 8 месяцев. В этот период страдало, главным образом, городское население, сельское население оставалось неизменным, оно даже незначительно увеличилось за счет городов.

По переписи 1 августа 1922 г. на той же территории осталось всего 131,7 млн. человек. Абсолютные потери — 2,6 млн. Теперь эти потери падают, главным образом, на деревню. Сельское население сократилось на 3,7 млн. человек, городское население возросло на 1,1 млн. Из этих цифр можно делать разные выводы. Когда-нибудь они и будут сделаны.

За первые 4 с половиной года советской власти абсолют-

ные потери России выразились в 12,9 млн. человек.

Но это еще не все. За эти 4 с половиной года должно было родиться какое-то количество детей. В последние перед войной годы рождаемость в 50 губерниях Европейской России достигала 44 на тысячу в год. За 4 с половиной года это составило бы 27-30 млн. новорожденных. Но за годы Первой мировой и гражданской войн рождаемость упала. Насколько она упала, точных цифр нет и не будет. В годы гражданской войны акты гражданского состояния не велись просто потому, что для этого не было бумаги.

У меня есть только цифры рождаемости за 1920 г. по 13 европейским губерниям, Москве и Петрограду. В среднем они дают 25 рождений на тысячу. Если остановиться условно на этой цифре, то за эти 4 с половиной года должно было родиться 17-18 млн. детей. Детская смертность в России всегда была высокой. В годы гражданской войны она должна была стать чудовищной. Пусть выжила всего одна треть. Эту треть нужно прибавить к абсолютным потерям — 12,9 млн.

Октябрьский переворот и приход к власти большевиков обошлись России приблизительно в 20 млн. жизней — за 4 с половиной года. Военные потери Белых армий и Красной армии на всех фронтах, включая и Западный против Польши и прибалтийских государств, вряд ли превышали 1 миллион

человек. И следует принять во внимание, что от 1 до 2 миллионов русских ушли за границу.

Можно произвести эти вычисления, исходя из других предпосылок, например, из данных переписи конца 1926 г. Этот метод дает приблизительно тот же итог потерь.

Английский демограф Франк Лоример определил потери России за годы 1918—1923 в 19.650.000 человек.

Если проанализировать цифры, приведенные профессором Петроградского университета Питиримом Сорокиным, которого многие считают отцом американской социологии, то потери России с 1 января 1918 г. по конец августа 1920-го определяются в 15-16 миллионов. Проф. П. Сорокин писал свою книгу сразу после высылки из России в 1922 г. и результаты переписи 1 августа 1922 г. ему не были известны. С потерями этих последних двух лет общий итог превысит 20 миллионов человек. Но какое может иметь значение неточность в 1, 2, 3 миллиона в ту или другую сторону. Здесь, действительно, превзойдена всякая мера и количество перешло в качество.

Перечитал — и стало страшно. Миллионы человеческих жизней, миллионы неповторимых личностей, каждая со своей судьбой, так просто, незаметно, логично превратились в стерильные цифры, в статистику, в анонимные человекоединицы.

А это были лучшие. Война и революция всегда требуют луч-

ших. Лучших физически и лучших духовно. В армию калек и слабоумных не берут, не идут они и в повстанцы. А там, где слабенький склонит голову и проползет на карачках, на животе, там сильный духом сложит голову. Да и большевикам нужно было истребить именно сильных, смелых, независимых, способных сопротивляться и бороться.

И каждый из них родился, для чего-то жил, любил, ненавидел, надеялся, каждый переживал свой последний час, свою предсмертную минуту, каждый прощался с жизнью, каждый терял свою единственную жизнь — умирал.

Одни — в бою, эти были самые счастливые. Другие — от пули в затылок в бесчисленных подвалах ЧеКа, сначала примитивных, со скользким от крови полом, позже благоустроенных — с желобками для стока.

Другие — во дворе тюрьмы под грохот грузовиков, на краю ямы или оврага от шашки или нагана лихого чекиста — Атарбекова, Саенки, Эйдука или иного. Другие — в море, привязанные ногами к рельсам. Другие — от голода, от тифа, от холеры. Другие — приколотые на этапе или доходягами в лагерях. Или как этот несчастный мальчишка, изголодавшийся беспризорный звереныш, вырвавший булку у такого же голодного, как и сам, наститнутый и растоптанный толпой с куском хлеба, окрашенного его же кровью, во рту (а мы и на слезинку-то согласиться не могли).

И эти 20 миллионов — не только мера красного террора, не только мера властолюбия и бесчеловечности большевиков, еще больше они — мера нашего сопротивления насилию, мера нашего свободолюбия.

7. Самодержавная партия

Ценой 20 миллионов жизней большевики навязали России свою власть. 20 миллионов — 15% населения. Через какое море лишений, голода и страданий, через какие бездны бесправия, насилия и произвола прошел народ за эти 4 с половиной года. Не было, пожалуй, в России ни одного человека, за исключением членов партии,

их семей и их сообщников, которого не затронула бы, захлестнула, оглушила, замордовала октябрьская катастрофа.

Но ни потери, ни страдания не лишили народ способности и воли к сопротивлению.

«Народ не согнулся, не покорился, — писал С. Маслов. — Упорно в продолжение четырех

лет превращаемый в государственного раба, он рабом не сделан. Скваный снаружи, он внутренне остался свободным».

Доклад ПУР оргбюро ЦК РКП(б) другими словами говорит то же: «Наряду с уничтожением живой силы тамбовского эсеров-бандитизма не достигнуто еще полной идейной дискредитации такового, а следовательно, не исключена возможность новой бандитской волны...».

Оба эти свидетельства относятся к 1922 году, году величайшего поражения и ослабления народа, потерявшего каждого седьмого. В том же 1922 году проф. П. Сорокин писал, что 97% населения ненавидят новую власть.

Большевики полностью отдавали себе отчет в ненависти населения, но продолжать истребление народа дальше было невозможно. Страна лежала в развалинах. Валовая продукция промышленности, по советским данным, в 1920 г. составляла 15% продукции 1913 г. Реально она упала еще ниже. Россия была отброшена почти на 100 лет назад. Выплавка чугуна не достигала 50% от уровня 1862 г. Хлопчатобумажных тканей было изготовлено меньше, чем в 1857 г.

В более понятных показателях в 1920 г. хлопчатобумажных тканей было изготовлено всего 4,2% по сравнению с 1913 г., чугуна выплавлено 2,4%, железной руды добыто 2,2, медной руды — 0,6, камен-

ного угля — 23,3 (20,4 — по сравнению с 1916 г.), мыла — 3,9, сахара — 6%. Не было ни сырья, ни топлива, ни продовольствия. Фабрики стояли. Транспорт был в полном расстройстве.

В сельском хозяйстве положение было не лучше. По сравнению с тем же 1913 г. посевная площадь сократилась больше чем на 25%, но урожаи понизились и валовая продукция сельского хозяйства, по советским данным, упала на 40-45%, а реально и еще ниже. Что касается технических культур, то льна было собрано по сравнению с 1913 г. 11%, конопля — 15, сахарной свеклы — 6% и т. д.

В 1921 г. положение еще ухудшилось. Страна, обескровленная и обессиленная потерей 20 миллионов человек, в большинстве мужчин в расцвете сил, вымирающая от голода, больная всеми болезнями вплоть до холеры и сапа, находилась при смерти. Идеал Ленина — истребление во славу коммунизма 9/10 народа — оказался недостижимым. База мировой революции ускользала из-под ног большевиков. Народу необходимо было дать передышку. Был объявлен НЭП.

От террора советская власть не отказалась — население должно было чувствовать над своей головой «карающий меч пролетарского правосудия» — но террор был значительно сокращен. Расстреливали меньше, но о расстрелах оповещали гораздо шире и подробнее.

Никаких прав население не получило. Народ остался таким же бесправным, каким стал с приходом к власти большевиков. Те послабления, которые он получил с введением НЭПа, самодержавная партия могла отменить и отобрать тем же путем декрета, каким они были дарованы. Законов фактически не было. Их место заняли «революционная законность» и классовое самосознание. Суды стали органом классовой борьбы и истребления потенциальных врагов режима вне зависимости от их классовой принадлежности.

Большевики ясно отдавали себе отчет в том, что деревня только временно обессилена и усмирена голодом, но не покорилась, и ненависть к завоевателям продолжает тлеть в народе. Но они принуждены были пойти на уступки и дать крестьянам довольно широкую свободу инициативы. Но первый же весьма относительно хороший урожай 1922 г. возбудил их опасения. В сентябре 1922 года, на 5-м всероссийском съезде профсоюзов, Рыков уже бьет в набат. Урожай 1922 г. «выявил ту громадную опасность, которая имеется во всей системе нашего хозяйства... Опасность эта в том, что сельское хозяйство способно восстанавливаться скорее, чем наша промышленность... Один урожайный год, после незиданного голода, стремится повернуть общее положение в нашей республике в пользу крестьян и против рабочих... на протяже-

нии 2-3 таких лет классовое экономическое значение крестьянства далеко может превзойти экономическое значение рабочего класса. Из этого необходимо сделать выводы...».

Не говоря уже о чудовищности такого «государственного» подхода, вопрос здесь, конечно, был не в экономическом значении рабочих и крестьян, а в том, что рабочих, полностью зависевших от работодателя-государства и опутанных профсоюзами, было относительно легко контролировать и держать в узде, тогда как крестьянин такому контролю поддавался значительно труднее. А с повышением его благосостояния и параллельно идущим ростом его независимости от государства, он от такого контроля вообще ускользал.

Это только «крестьянский» поэт Есенин мог от имени крестьян писать пошленькие слова:

**С советской властью жить
нам по нутру,
Теперь бы ситцу и гвоздей
немного.**

Нет, крестьяне добивались много большего, чем ситец и гвозди.

К началу НЭПа русская интеллигенция была в большей части истреблена и растоптана. Остатки ее, «лишenci», лишены каких бы то ни было прав, вернее, наделенные минус-правами, совершенно беззащитные, запутанные и продолжавшие подвергаться террору, никакой активной политической роли играть не могли.

Церковь тоже была разгромлена. 12 августа 1922 г. расстреляли митрополита Петроградского Вениамина. Осенью того же года арестовали и заточили в тюрьму ЧеКа, ставшей к тому времени называться ГПУ, патриарха Тихона. В тюрьмах и ссылках находились 66 митрополитов, архиепископов и епископов. Сколько их было убито и замучено после октябрьского переворота, до сих пор не подсчитано. Неизвестно и число убитых и замученных священников и монахов. Церковь разлагалась внутри живодерковники во главе с Красницким, Введенским и другими, этими первыми чекистами в рясах.

Рабочий класс, сократившийся в численности почти вдвое, по составу стал другим. Старых квалифицированных рабочих осталось вряд ли больше четверти. Они пали в гражданской войне, вымерли от голода, болезней и эпидемий, были расстреляны своей же «рабочекрестьянской» властью или ушли с фабрик, переставших их кормить, в деревню и окрестьянились. Их место частично заняли новые. Эти новые не имели навыков работы и опыта организованности и поэтому в гораздо большей степени зависели от работодателя-государства, т. е. партии. Политической роли они тоже играть не могли.

Классом-гегемоном стало крестьянство. Победенное, обезоруженное, оно не потеряло воли к сопротивлению. Несмотря на поражение, оно почувствовало свою силу и свое зна-

чение в государстве. В 1913 г. доля сельского хозяйства равнялась приблизительно доле промышленности в народном хозяйстве — 49,7 и 50,3%. Теперь доля крестьянства в народном хозяйстве превысила 80%. Да и само крестьянство составляло 80% населения. Крестьянство превратилось в силу, которой нечего было противопоставить, нечем уравнивесить. Враждебность его новой власти была несомненна. И новая власть неизбежно должна была потонуть в крестьянском море. Как это произойдет, никто, конечно, не брался предсказать.

Так расценивали положение русские наблюдатели над советской жизнью. И они были правы, если бы советская власть хоть в какой-то, даже небольшой степени руководствовалась нуждами и интересами народа и страны. Но новой власти было и на страну, и на народ, «господа хорошие, наплевать». Никаких моральных сдержек большевики не признавали. Партийная мораль позволяла любое преступление. Не только позволяла, но и вменяла в обязанность.

Только что убив и замучив миллионы людей, они готовы были продолжать убийства до бесконечности, лишь бы держать строптивый народ в повиновении, самим удержаться у власти и сохранить Россию, как базу мировой революции.

Деревня сделала попытку перенести борьбу в политическую плоскость. Уже в 1922-23 гг.

крестьяне пытаются захватить в свои руки сельсоветы, но конституция была составлена так, что власть, вернее партия, могла влиять на весь избирательный процесс — с выдвижения кандидатов и составления избирательных списков вплоть до отмены выборов в случае нежелательных результатов (ст. 79 конституции). Кроме того, специальные статьи конституции давали партии право лишить любого неугодного ей избирательных прав по политическим (ст. 23) или экономическим (ст. 65) признакам. Борьба была неравной и крестьянство ее проиграло. Но советская власть получила дополнительные доказательства шаткости своего положения в деревне. Ей даже пришлось кое в чем уступить.

В 1924-25 гг. прошла волна нападений на селькоров — советскую занозу в теле деревни. Уже в ноябре 1924 г. Верховный суд постановил нападения на селькоров приравнять к контрреволюционным выступлениям и судить за них по знаменитой 58-й статье. Как правило, нападение на селькора, вне зависимости от результата, влекло за собой высшую меру социальной защиты — расстрел.

И наконец, в 1927 г. крестьяне, сняв урожай, перестали продавать его государству. Вместо намеченных 5 млн. тонн было заготовлено всего немногим больше половины. В городах пришлось ввести карточную систему. В деревню, как во времена военного коммунизма, бы-

ли посланы продовольственные и заградительные отряды. Опять мобилизовали бедноту, теперь под названием деревенского актива. В 1927-28 г.г., признают советские источники, заготовки хлеба «производились отчасти в принудительном порядке... Штрафы и конфискации... действительно практиковались...». Не только штрафы и конфискации, но и ссылки и расстрелы. Решительная схватка становилась неизбежной.

В октябре 1929 г. началась коллективизация. Деревня ответила стихийным и организованным сопротивлением. Об этом организованном сопротивлении советские источники говорят очень глухо. После начала коллективизации, главным образом, в 1930 г., ОГПУ ликвидировало «206 белогвардейско-кулацких подпольных групп в Московской области», «32 контрреволюционные организации и 190 кулацких групп» в Нижне-Волжском крае, «церковно-монархическую организацию в Вятке», неназванное количество «контрреволюционных организаций кулаков и белогвардейцев» в Поволжье, Центрально-Черноземной области, в Сибири и на Северном Кавказе, «подпольную повстанческую организацию, имевшую ответвления в 180 населенных пунктах» на Дону и т. д.

Мы так привыкли к лжи официальной советской печати, что и к этим данным относимся с недоверием, как к оправданию бесчеловечных жестокостей коллективизации. Но какие-то

остатки Союзов и Братств трудовых крестьян должны были сохраниться и выжить. Сохранилась также и память о восстаниях и героическом сопротивлении крестьянства коммунистическим завоевателям.

Как бы то ни было, но сопротивление деревни заставило большевиков забить отбой. 2 марта 1930 г. появилась в газетах статья Сталина «Головокружение от успехов». Партия отступила, чтобы перегруппировать свои силы. Но продолжение боя было неизбежно. Пусть даже относительно свободное крестьянство и самодержавная партия существовать не могли. Вопрос стоял «кто кого». Передышку завоеватели использовали, чтобы задушить обнаруженное организованное сопротивление.

Осенью 1930 г. наступление на деревню возобновилось и закончилось «ликвидацией кулака как класса». Опять были убиты или заморены голодом 10-15 млн. человек. Крестьян превратили в государственных батраков. Деревню зяли в стальные тиски. Всякое активное сопротивление стало невозможным. Остался только путь пассивного сопротивления и оно продолжается до сих пор.

На авансцену истории вышла партия. Она стала совершенно бесконтрольным и неоспоримым владыкой и распорядителем жизни страны и народа. Переломив хребет крестьянству, она переломила хребет России. Страна и народ, обессиленные, обескровленные и скованные,

лежали у ног завоевателя. Его произволу нечего было противопоставить, нечем его уравновесить.

И опять были уничтожены лучшие, самые крепкие духовно и физически. С 1918 по 1922 и с 1929 по 1932 г.г. страна потеряла 30-35 млн. человек, а если прибавить многочисленные жертвы террора в промежутке, то и много больше. За первые 15 лет большевицкой власти, не покрывающих даже жизни одного поколения, Россия лишилась числа людей, разного населению Франции того времени.

Но это был еще не конец. Истребление продолжалось. Каждый год, каждый день большевицкого владычества шло уничтожение лучших, уничтожение тех, кто возвышался над серой массой безличной, даже в смерти послушной партийной скотинки, партийной нелюди. Каждый год, каждый день большевицкого владычества шло выпальвание пшеницы. Казалось, вся Россия превратилась в поле сорняков, остались только плевелы.

Но так только казалось. В первые века христианства праведники уходили спасаться в пустынях и лесах. Русским праведникам пришлось спасаться в тюрьмах и концентрационных лагерях. И вместе с собой они увели туда правду и свободу. Когда государством управляют преступники и насильники, место свободных людей в тюрьме и в концлагере. «Тесна камера, но не еще ли теснее воля?».

И свершилось чудо. Чудо, которое мы, простые смертные, просмотрели, но которое открылось уже давно второму зрению поэта:

Россия тридцать лет живет
в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.

И лишь на Колыме и в Соловках
Россия та, что будет жить
в веках.

А они? Те, кто не покорились, не склонили головы? Те, кто свободную смерть предпочли жизни в неволе?

Нет в России города, села, деревни, где не тлели бы их кости. Нет места, не орошенного их кровью.

Они лежат безымянные, не оплаканные, не отпетые, не отмоленные.

Они оболганы, оклеветаны. Их — павших за нашу свободу — потомки, вслед за их убийцами, называют бандитами.

Они — наша гордость и вернейшая порука возрождения нашего народа и нашей родины — забыты. Они стали запечатанной страницей, белым пятном в нашей истории.

Не могу... Не могу поверить, чтобы их жертва оказалась напрасной. Чтобы их подвиг остался бесплодным.

О них уже вспоминают. О них еще вспомнят. Их подвигом вдохновятся.

И настанет день, когда на зысоком и святом месте, откуда они будут видны всей России, встанут рядом белый первопоходник, ижевский рабочий и тамбовский крестьянин. Встанут и будут охранять в веках нашу свободу.

Библиография

КНИГИ И СБОРНИКИ

Г. Аронсон — Россия в эпоху революции. Нью Йорк 1966.

«Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Петроградской губернии (1917-1918)». Ленинград 1972.

«Борьба рабочих и крестьян под руководством большевицкой партии за установление и упрочение советской власти в Тамбовской губернии (1917-1918 годы)». Тамбов 1957.

Е. Виллахов, А. Карнит — Легендарная быль. Рига 1971.

М. Вишняк — Черный год. Париж 1922.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Издание ЦСУ СССР. Москва 1928.

А. Гиндин — Как большевики национализировали частные банки. Москва 1971.

Д. Голишков — Крах вражеского подполья. Москва 1971.

Д. Далин — После войн и революций. Берлин.

Ген. А. Деникин — Очерки русской смуты. Пять томов. Париж — Берлин 1922 — 1926.

Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва 1963.

Из истории ВЧК. Сборник документов. Москва 1958.

Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов. Три тома. Москва 1960 — 1961.

М. Ирошников — Создание советского центрального государственного аппарата. М. — Л. 1966.

История гражданской войны в СССР Пять томов. Москва 1936 — 1960.

История латышских стрелков. Рига 1972.

Г. Кирдецов — У ворот Петрограда. Берлин 1921.

А. Куприн — Памятная книжка. Сборник «Скорбь земли родной». Нью Йорк 1920.

Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917-1920 годах (воспоминания и документы). Рига 1962.

М. Лацис (Судрабс) — Два года борьбы на внутреннем фронте. Москва 1920.

F. Lorimer — The population of the Soviet Union. Geneva 1946.

Марковцы в боях и походах за Россию. 1917-1920. Два тома. Париж 1962 — 1964.

С. Маслов — Россия после четырех лет революции. Париж 1922.

С. Мельгунов — Белое движение. Рукопись.

С. Мельгунов — Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова. Париж 1929.

С. Мельгунов — Красные террор в России. Берлин 1924.

С. Мельгунов — Чайковский в годы гражданской войны. Париж 1929.

П. Милуков — Россия на переломе. Два тома. Париж 1927.

«Незабываемое». Воспоминания. Москва 1961.

Проф. С. Прокопович — Народное хозяйство СССР. Два тома. Нью Йорк 1952.

Б. Соколов — Большевики о большевиках. Париж 1919.

П. Сорокин — Современное состояние России. Прага 1923.

П. Софинов — Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. Москва 1960.

А. Спреслис — Латышские стрелки на страже завоеваний октября. Рига 1967.

Л. Троцкий — Как вооружалась революция. Москва 1923 — 1924.

С. Федюкин — Великий октябрь и интеллигенция. Москва 1972.

Д. Шелестов — Борьба за власть советов на Алтае. Москва 1959.

И. Штейнберг — Нравственный лик революции. Берлин 1923.

и др.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Архив русской революции. 22 тома. Берлин 1922 — 1937.

«Вестник русских ветеранов Великой войны». Сан Франциско, Калифорния.

«Военная наука и революция». Журнал. Москва.

«Война и революция». Журнал. Москва.

«На чужой стороне». Журнал. Берлин — Прага.

«Современные записки» Журнал. 70 книг. Париж 1920 — 1940.

«Экономический вестник». Журнал. Берлин.

Цена — \$2.00